

18+

银曲
夜焰

ПЕСНЬ СЕРЕБРА,
ПЛАМЯ, ПОДОБНОЕ
НОЧИ

Амели Вэнь Чжао

Амели Вэнь Чжао
Песнь серебра,
пламя, подобное ночи
Серия «Young Adult. Песнь
последнего королевства», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70095121

*Песнь серебра, пламя, подобное ночи / Амели Вэнь Чжао ; [перевод с
английского Я. Р. Хусаеновой: Эксмо; Москва ; 2024*

ISBN 978-5-04-195104-7

Аннотация

Когда-то у Лань было другое имя, но затем элантйцы вторглись в ее королевство, убили мать девушки, а магию объявили вне закона. Теперь по ночам Лань поет на улицах Хаак Гуна, а днем разгадывает загадочное появление метки на руке. Таинственный знак – иероглиф, который никто, кроме Лань, не может увидеть.

Однажды ночью, в попытках скрыться от страшной судьбы, девушка встречает таинственного юношу. Зен – один из легендарных магов Последнего царства. Ходили слухи, что эту магию даровали демоны, однако теперь Зену приходится спасаться, чтобы скрыть свой дар от элантйцев.

Когда Зен находит Лань, он узнает, что девушка обладает способностью, запечатанной в ее метке и скрытой от чужих глаз. Вместе они прокладывают путь к Туманным горам Последнего царства, к ордену мастеров, планирующих свергнуть режим Элантии. Да начнется битва за Последнее царство!

Содержание

Хронология	10
1	14
2	38
3	51
4	73
5	93
6	108
7	128
8	147
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Амели Вэнь Чжао
Песнь серебра,
пламя, подобное ночи

#####

Моим родителям и их родителям

銀曲

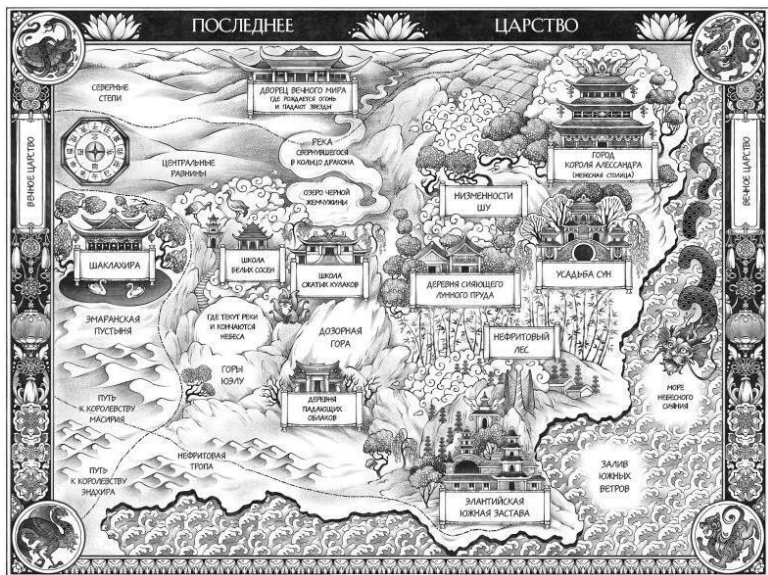
夜吟

Читайте в серии

«ПЕСНЬ ПОСЛЕДНЕГО КОРОЛЕВСТВА»

Песнь серебра, пламя, подобное ночи

Продолжение следует...

Amelie Wen Zhao

SONG OF SILVER, FLAME LIKE NIGHT

Text copyright © 2023 by Amelie Wen Zhao All rights reserved.

© Хусаенова Я., перевод на русский язык, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Хронология

Эпоха воюющих кланов

– 500 циклов

Девяносто девять кланов сражаются друг с другом за территорию. Выживают только несколько доминирующих представителей (в первую очередь Мансорианский клан из Северных степей и клан Сун из Южных долин), которые становятся могущественной силой, превращающей другие кланы в простых землевладельцев.

Первое царство

Цикл 0-591

Доминирующие кланы создают могущественные государства. В попытке укрепить власть их правителям присваивается титул «король». Возникают территориальные споры, однако большую часть этой эпохи доминирующие кланы не развиваются.

Ближе к концу генерал Чжао Чжун из могущественного Центрального царства Хин начинает войну с целью объединения других вождей в единое царство Хин. Мансорианский клан вместе со своими землевладельцами ведет ожесточенную борьбу, но несет тяжелые потери. Клан Сун сдается, и его члены становятся советниками императора. Генерала Чжао провозглашают первым императором Цзинь.

Срединное царство

Цикл 59-344

За объединением некогда раздробленных кланов начинается эра стабильности, в которой первый император Цзинь и его предки проводят политику, направленную на стимулирование экономического развития новообразованного государства. Наиболее примечательным является описанный способ стандартизации всей практики в пределах Срединного царства, как способ ограничения власти завоеванных кланов. Вспыхивающие на протяжении всей этой эпохи восстания мятежных кланов быстро подавляются армией императора.

В конце данного периода императором Янь Луном (Император-Дракон) овладевает навязчивая идея о возможном восстании мансориан. Он считает, что всему виной политика императора Цзиня, позволяющая Десяносто девяти кланам сохранять свои собственные земли, культуру и быт. Слабый и жадный, в попытке удержать власть он вызывает Алого Феникса, Бога-Демона, что пребывал в глубоком сне под контролем его семьи, и начинает собственную военную кампанию с целью уничтожить Десяносто девять кланов.

Мансорианский генерал Ксан Толюйжигин, связанный с Богом-Демоном Севера Черной Черепахой, возглавляет контратаку. К нему присоединяются бывшие союзники клана. Они проигрывают, и в припадке ярости Ксан Толюйжи-

гин бежит на север, по пути разрушая города Хин и убивая мирных жителей. По сей день неясно, где нашел успокоение его дух и нашел ли он его вообще.

Последнее царство

Цикл 1344-1424

Девяносто девять кланов почти уничтожены, разбросаны по стране и вынуждены уподобиться народу Хин. Последнее царство просуществовало всего восемьдесят циклов. Затем, в тридцать втором цикле правления династии Цин под властью Светящегося Дракона, императора Шо Луна, происходит вторжение элантийцев.

Элантийская эра

Год 1 (цикл 1424) – Наши дни

1

*Силу заимствуют, а не создают.
Дао цзы, «Книга Пути» Классика добродетелей, 1.1*

Элантийская эра, цикл 12 Черный порт, Хаак Гун

Последнее королевство хоть и было поставлено на колени, но отсюда открывался прекрасный вид.

Лань опустила пониже бамбуковую шляпу и приоткрыла губы от удовольствия, когда прохладный вечерний ветерок коснулся прядей ее шелковистых черных волос. После целого дня работы на местном рынке по ее шее стекал пот, а спина болела от побоев, которые девушка получила от Госпожи Мэн за кражу конфет с кухни чайного домика. Но в редкие моменты, подобные этому, когда спелое и набухшее, как мандарин, солнце нависало над сверкающим морем, в том, что осталось от завоеванных земель, все еще можно было увидеть красоту.

Город Хаак Гун развернулся перед Лань лоскутным одеялом противоречий. Везде, от изогнутого карниза до крытой серой черепицей крыши, висели красные фонари, петляя между пагодами и внутренними дворами, окутанными ореолом ночных базаров и вечерних ярмарок. На далеких холмах в своих чудаковатых, построенных из камня, стекла и металла домах, обосновались присматривающие за миром,

точно боги, элантыйцы. Горизонт отливал сумеречной аурой искусственного света, проникавшего сквозь витражи и морные дверные арки.

Лань закатила глаза и отвернулась. Она знала, что истории о богах, не важно каких, – это большая миска свежего дерьма. Как бы элантыйцы ни пытались показать, что это не так, Лань знала – они пришли в Последнее царство только за ресурсами. Корабли, полные измельченных специй, золотистых зерен и зеленых листьев чая, сундуков с шелками и аксамитами¹, нефритами и фарфором, каждый день отправлялись по морю Небесного сияния, из Хаак Гуна в Элантийскую империю.

А все, что оставалось, просачивалось на черный рынок.

В данный момент вечерний рынок был в самом разгаре, торговцы выстроились вдоль Нефритовой тропы со сверкающими как солнечный свет драгоценностями, специями, которых Лань никогда раньше не видела, и тканями, мерцающими, как само ночное небо. Сердцебиение Хаак Гуна слышалось в звоне монет, его жизненной силой была торговля, а костями – деревянные прилавки на рынках. В этом месте приходилось не жить, а выживать.

Лань остановилась на самой окраине рынка. Она позаботилась о том, чтобы надвинуть на лицо дули² на случай, ес-

---

¹ Аксамит – устаревшее название плотной ворсистой, часто узорчатой ткани из шелка золотой или серебряной нити, напоминающей бархат.

² Дули – бамбуковая шляпа.

ли поблизости будут рыскать элантйские чиновники. За то, что она собиралась сделать, девушку вполне могли отправить на виселицу вместе с другими нарушителями элантйских законов.

Украдкой оглядевшись по сторонам, Лань пересекла улицу и направилась к трущобам.

Именно здесь заканчивалась иллюзия Последнего царства и начиналась реальность земель, падших перед завоевателями. Здесь аккуратно уложенные булыжником улицы сменялись простой пылью, элегантно отреставрированные фасады и блестящие стеклянные окна уступали место разрушающимся от ветхости зданиям.

Здесь, в заброшенном углу стоял торговый дом с дешевыми деревянными дверями, потрескавшимися и выцветшими от времени. Его бумажные окна, хоть и залатанные жиром, провисли от влажного южного климата. Деревянный колокольчик звякнул над головой Лань, когда та вошла внутрь.

Она закрыла двери, и шум внешнего мира смолк.

Внутри царил полумрак, пылинки кружились в лучах поллепуденного солнца. Они падали на потрескавшиеся половицы и полки, заставленные разнообразными свитками, фолиантами³ и безделушками. Весь магазин был похож на старую, оставленную выгорать на солнце картину, пахнущую чернилами и влажным деревом.

---

³ Фолиант – книга формата in folio, в которой размер страницы равен половине размера традиционного типографского листа.

Но для Лань это было необыкновенное место. Оно напомнило ей о давно прошедших временах, об ушедшем в прошлое мире.

О жизни, стертой со страниц учебников истории.

Старик Вэй в своем ломбарде торговал всяким хламом с вечернего рынка, который элантийцы не пожелали приобрести. Владелец магазина скупал все оптом, а после с небольшой наценкой перепродавал хинским покупателям. Ломбард не привлекал внимания правительственных инспекторов, поскольку подержанные товары, если, конечно, они не были изготовлены из металла, не представляли для колонизаторов никакого интереса.

Вот почему магазин также стал центром для контрабанды. На витрину старик Вэй выставял самые безобидные товары: мотки шерсти, конопли и хлопка, банки с бадьяном⁴ и лавровыми листьями, свитки дешевой, сделанной из толченой высушенной коры бумаги. Но Лань знала, что где-то внутри спрятано кое-что поинтереснее.

Что-то, что могло стоить ей жизни.

– Старина Вэй, – позвала она. – Я получила твое сообщение.

На секунду воцарилась тишина, а затем послышалось:

– Мне показалось, я слышал твой звенящий серебряными колокольчиками голос. Снова пришла мне надоедать?

Старый лавочник объявил о своем появлении шарканьем

---

⁴ Бадьян – род цветковых растений семейства Лимонниковые.

ног и отрывистым кашлем. Старик Вэй когда-то служил учителем в северо-восточной прибрежной деревне, прежде чем всю его семью убили во время элантийского завоевания двенадцать циклов назад. Он бежал в Хаак Гун и, благодаря своей грамотности, смог заняться торговым бизнесом. Недостаток еды сделал Вэя тощим как палка, а из-за влажного воздуха Хаак Гуна бедняга постоянно кашлял. Вот и все, что Лань знала о его жизни – даже его истинное имя, запрещенное законом Элантии и сведенное к единственному слогу, оставалось для нее загадкой.

Девушка, выглядывая из-под своей дули, одарила старика самой милой улыбкой.

– Надоедать? – повторила она, подражая его северному диалекту: более резким и раскатистым тонам по сравнению со сладкими, певучими южными интонациями, к которым она так привыкла. К тому же в последнее время ей редко удавалось с кем-либо поговорить. – Когда это я надоедала тебе, старина Вэй?

Он хмыкнул, бросив на нее оценивающий взгляд.

– Твое появление не приносит мне удачи. Но все же я позволяю тебе приходить сюда снова и снова.

Она высунула язык:

– Должно быть, виной всему мое обаяние.

– Хах, – отозвался торговец. Эта усмешка с трудом пробилась сквозь толстый слой мокроты. – Любые наблюдающие за нами боги скажут, что скрывается за этим очарованием.

– Никакие боги за нами не наблюдают.

Этот вопрос Лань часто любила обсуждать со стариком Вэем – убежденным почитателем пантеона богов Хин, в частности его любимого покровителя Богатства. Старый Вэй любил рассказывать Лань о том, как в детстве он искренне молился этому божеству. Лань же любила напомнить своему собеседнику, что Бог Богатства, должно быть, обладает извращенным чувством юмора, раз наградил его захудалой лавкой, время от времени торгующей контрабандой.

– Боги есть, – ответил старик Вэй. Лань подняла глаза к потолку и одними губами произнесла вместе с ним слова, которые слышала уже сотни раз. – Есть боги старые и новые, добрые и злые, но самые могущественные из них – четыре Бога-Демона.

Лань предпочитала не верить, что ее судьба находится в руках каких-то невидимых старых хрычей, сидящих на небесах, независимо от того, насколько могущественными они были.

– Как скажешь, старина Вэй, – ответила девушка, перегибаясь через стойку и подпирая подбородок руками.

Лавочник несколько раз хрипло выдохнул, прежде чем спросить:

– Снова вечерний рынок? Тебя что, недостаточно кормят в чайном домике?

Они оба знали ответ на этот вопрос: Госпожа Мэн управляла чайным домиком, как стеклянным зверинцем, главным

украшением которого были ее певички. Она кормила их ровно столько, чтобы те оставались свежими и сочными для привлечения клиентов, но никогда не позволяла их голоду утихнуть – упаси господь, еще станут ленивыми или толстыми.

– Мне здесь нравится, – сказала Лань, и не солгала. Здесь, торгуя бок о бок с другими продавцами и кладя заработанные монеты в собственный карман, она чувствовала некое подобие контроля над своей жизнью – хоть и временный, но все же вкус свободы и своеволия.

– Кроме того, – добавила она сладко, – я всегда могу заскочить тебя провести.

Вэй бросил на нее проницательный взгляд, а затем цокнул языком и погрозил пальцем.

– Не пытайся меня умаслить, я'тоу, – сказал он, наклонившись к шкафчикам, расположенным под прилавком.

Я'тоу. Девочка. Так он называл ее с тех пор, как нашел жалкой сироткой, просящей милостыню на улицах Хаак Гуна. Вэй отвез ее в единственное известное ему место, которое могло стать приютом девушке без имени и репутации: чайный домик Госпожи Мэн. Лань подписала контракт, условия которого едва могла понять и срок которого, казалось, только увеличивался, несмотря на усердную работу.

Но, в конце концов, этот старик спас ей жизнь. Нашел ей работу, обеспечил крышу над головой. В его поступке просматривалось больше доброты, чем можно было пожелать в

такие беспокойные времена.

Она ухмыльнулась угрюмому старику.

– Я бы не стала этого делать.

Ворчание старого Вэя перешло в приступ кашля, и улыбка сползла с лица Лань. Зимы на юге не отличались пронизывающим холодом, как и на северо-востоке, где она выросла. Здесь царила влажность, которая, проникая в кости, суставы и легкие, заставляла их гноиться.

Лань оценила состояние старого обшарпанного магазина: полки были заполнены товарами больше, чем обычно. Сегодня вечером, накануне большого фестиваля в честь Двенадцатого цикла с момента Элантийского завоевания, вокруг Хаак Гуна усилили охрану. При таких обстоятельствах люди прежде всего старались держаться подальше от магазина, торгующего запрещенными товарами. Лань тоже не могла задержаться: скоро улицы заполнятся элантийскими патрулями, и певичка, разгуливающая в одиночку, точно привлечет к себе внимание.

– Опять легкие шалят, старина Вэй? – спросила она, проводя пальцем по стоящей на прилавке маленькой фигурке дракона из цветного стекла – вероятно, ценный товар одной из стран Нефритовой тропы, что расположены с другой стороны от великой Эмаранской пустыни. В государствах Хин не знали стекла до эпохи Срединного царства, при котором император Цзинь (Золотой император) установил официальные торговые пути, простиравшиеся на запад, до легендар-

ных пустынь Масирии.

– Ох, да, – сказал владелец магазина, поморщившись. Из складок рукава Вэй вытащил то, что, должно быть, когда-то было тонким шелковым носовым платком, и промокнул им рот. Ткань посерела и пропиталась копотью. – Цены на жень-шень резко выросли с тех пор, как элантйские старики узнали о его целебных свойствах. Но я прожил с этими костями всю свою жизнь и до сих пор не умер. Не о чем беспокоиться.

Лань забарабанила пальцами по деревянному прилавку, истертому клиентами, посетившими это место до нее. Вот в чем был секрет выживания на колонизированной земле: нельзя было показывать, что вам не все равно. У каждого хина, что встретится вам на пути, найдется своя слезливая история: семья, убитая во время завоевания, разграбленный дом или что похуже. Проявлять заботу было все равно что иметь брешь в броне выживания.

Так что Лань задала вопрос, мучивший ее весь день.

– А у тебя есть что-нибудь для меня?

Старый Вэй одарил ее улыбкой, в которой не хватало нескольких зубов, и снова нырнул под прилавок. Пульс Лань участился; инстинктивно она прижала пальцы к внутренней стороне левого запястья.

Там, запечатленный в плоти, сухожилиях и крови, виднелся шрам, который могла рассмотреть только она: идеальный круг, охватывающий символ в форме непонятного иероглифа, размашистые штрихи, распускающиеся подобно эlegant-

ному цветку – соцветие, листья и стебель. Девушка не могла его прочесть.

Она прожила восемнадцать циклов, двенадцать из которых потратила на поиски этого знака – единственного оставленного ее матерью ключа, ведущего к прошлому девушки. По сей день Лань чувствовала обжигающий жар пальцев матери на своих руках и дыру в ее груди, изливающуюся красным, даже когда мир вокруг стал ослепительно-белым. Дорогая лакированная мебель в их кабинете потемнела от крови, воздух наполнился горьким запахом горелого металла... и чего-то еще. Чего-то древнего и... невозможного.

– Думаю, это тебе понравится.

Она моргнула, и образы рассеялись, когда старик Вэй показался из-за пыльных полок и положил на прилавок между ними свиток. Лань затаила дыхание, когда торговец развернул его.

Это был потертый кусок пергамента. С первого взгляда девушка заметила, насколько он другой: поверхность была гладкой, в отличие от дешевой бумаги, сделанной из конопли, тряпок или ажурной сетки. Перед ней лежал настоящий пергамент – возможно, веленевый⁵, почерневший в углах и потускневший от времени. Когда-то, целую вечность назад, ей было знакомо ощущение от прикосновения к таким вещам.

---

⁵ Велень – материал для письма или книгопечатания из шкур млекопитающих. Название происходит от velin, что означает «телячья кожа».

Несмотря на явную изношенность, Лань могла разглядеть поблекшие следы роскоши. Ее глаза пробежались по наброскам четырех Богов-Демонов в углах, едва заметных, но различных: дракон, феникс, тигр и черепаха, застывшие во времени, были обращены к центру свитка. Верхние и нижние поля украшали завитки облаков. А в центре...

Там, в самой середине, заключенный в почти идеальный круг, виднелся один-единственный иероглиф, изображенный с тонким балансом хинского письма, но в то же время не имеющий с ним ничего общего. Сердце Лань подскочило к горлу, когда она, едва дыша, склонилась над иероглифом.

– Так и знал, что ты будешь взволнованна, – сказал старый Вэй. Он внимательно наблюдал за ней. Глаза старика блеснули, предвкушая хорошую сделку. – Подожди, пока не услышишь, где я его нашел.

Слова Вэя едва доходили до сознания Лань. Пульс грохотал в ее ушах, пока она осматривала штрихи изображенного знака, следуя взглядом за каждой линией и сравнивая их с теми, которые помнила достаточно хорошо, чтобы видеть в своих снах.

Восторг девушки угас, когда ее палец замер над одним из штрихов. Нет... нет. Линия слишком короткая, нет точки, а диагональ немного смещена... Незначительные различия, но все же...

Не он...

Она обмякла, выпустив воздух из легких. Небрежно по-

вернув запястье, Лань обвела пальцем легко очерченный круг, чтобы закончить иероглиф.

Вот тогда-то это и случилось.

Воздух в магазине изменился, и она почувствовала, как будто что-то внутри нее встало на место – невидимый ток хлынул из кончиков ее пальцев. Как удар статического электричества зимой.

Все испарилось за долю секунды, так быстро, что скорее всего ей это просто почудилось. Когда Лань снова моргнула, старик Вэй все еще наблюдал за ней, поджав губы.

– Ну? – нетерпеливо спросил он, перегибаясь через прилавок.

Получается, он ничего не почувствовал. Лань прижала кончики пальцев к вискам. Ничего особенного не произошло. Всего лишь кратковременная потеря концентрации, игра нервов, вызванная голодом и истощением.

– Этот немного другой, – ответила она, игнорируя знакомое разочарование, от которого скрутило живот.

Она была так близка... и все же знаки оказались не идентичными.

– Тогда это не то, что ты ищешь, – сказал старый Вэй, прочищая горло, – но думаю, что для начала неплохо. Смотри – слоговая азбука, кажется, составлена в том же стиле, что и ваша, со всеми этими изгибами и тире... но мое внимание прежде всего привлек круг. – Он постучал мозолистыми пальцами по свитку. – Если раньше иероглиф и заключали в

круг, то только для украшения. Но видишь, как эти штрихи соединяются с ним? Они были написаны единой строкой – четкое начало и конец.

Торговец бубнил что-то себе под нос, а в ее голове металась ужасная мысль: возможно, она никогда и не поймет, что произошло в тот день, когда умерла ее мать и Последнее царство пало. Возможно, Лань никогда не узнает, каким образом ее мать протянула покрытую кровью руку и дрожащими пальцами выжгла что-то на ее запястье. Что-то, что осталось после всех этих циклов в виде метки, видимой только ей.

Воспоминание, граничащее между сном и явью? – слабая искра надежды на то, что казалось невозможным.

–.. слышала, что я только что сказал?

Лань моргнула, возвращаясь в реальность.

Старик Вэй бросил на нее испепеляющий взгляд.

– Я сказал, – повторил он с раздражением учителя, которого проигнорировал ученик, – что этот свиток взят из старой библиотеки храма и, по слухам, был изготовлен в одной из Ста Школ Практики. Мне известно, что практики в древности писали на другой манер.

При этих словах у Лань перехватило дыхание. *Практики.*

Лань изогнула губы и скользнула вперед, опершись локтем на стойку.

– Уверена, что практики написали это вместе с яо, мо, гуэй и гуай, которым они продали свои души, – сказала она, и лицо старого Вэя вытянулось.

– Скажи о демоне, и демон придет! – прошипел он, оглядываясь по сторонам, как будто кто-то мог выпрыгнуть из-за его шкафа с сушеными ягодами годжи. – Такими словами ты накликаешь беду на мой магазин!

Лань закатила глаза. В деревне, откуда был родом Вэй, суевериям придавали больше значения, чем в городе. Истории о вурдалаках, бродящих в сосновых и бамбуковых лесах, о демонах, пожирающих души младенцев по ночам.

Когда-то от таких вещей у Лань, возможно, по спине пробежали бы мурашки, и она даже не рискнула бы заходить в темный переулок. Но теперь девушка знала, что существуют вещи и похуже, и именно их стоило бояться.

– Это всего лишь страшные байки, старина Вэй, – сказала она.

Торговец наклонился вперед, достаточно близко, чтобы она могла разглядеть пятна от чая на его зубах.

– Император-Дракон, возможно, и запретил обсуждать подобные темы, когда основал Последнее царство, но я помню рассказы своих предков. Я слышал истории о древних орденах, практикующих магию и боевые искусства, ходящих по рекам и озерам Первого и Срединного царств, сражающихся со злом и несущих справедливость в этот мир. Даже когда императоры Срединного царства попытались контролировать практиков, они не смогли скрыть их следы в наших землях: целые книги, написанные непонятными иероглифами, храмы и тайные хранилища с сокровищами и артефакта-

ми, обладающими необъяснимыми свойствами. Магия всегда была неотъемлемой частью нашей истории, я'тоу.

Старик Вэй был одним из тех, кто яро верил в мифы о народных героях – практиках, что когда-то не только ходили по воде и летали над горами, но и владели магией, способной убить демонов. Возможно, когда-то очень-очень давно, так и было.

– Тогда где они сейчас? Почему не пришли, чтобы спасти нас от... этого? – Лань указала на дверь, на виднеющиеся за ней полуразрушенные улицы. При виде того, как старик колеблется с ответом, девушка скривила губы. – Даже если эти самые практики когда-то и существовали, то было это несколько столетий, а то и династий назад. В каких бы народных героев ты не верил, они уже давно мертвы. – Ее голос смягчился. – В этом мире не осталось героев, старина Вэй.

Торговец бросил на Лань проницательный взгляд.

– Ты и правда так думаешь? – уточнил он. – Тогда скажи, почему ты приходишь сюда каждую неделю в попытке отыскать странный символ на шраме, который видишь только ты?

Его слова, как лезвие, пронзили сердце Лань. Они напомнили ей то, в чем она не могла себе признаться. Несмотря на все, что она говорила самой себе, то, что произошло в день смерти ее матери, очень уж напоминало магию.

И шрам на ее запястье содержал ключ – единственный ключ – к разгадке того дня.

– Потому что это позволяет мне надеяться, что мне угото-

вана другая судьба. Что-то лучше, чем моя нынешняя жизнь.

Перед ней кружились пылинки, окрашенные заходящим солнцем в красный и оранжевый цвета. Лань положила руку на лист пергамента. Возможно, что-то скрывалось в непостижимых чертах этого иероглифа. В конце концов, этот свиток – лучшее, что ей удалось раздобыть за последние двенадцать циклов.

– Я возьму его, – сказала девушка. – Возьму свиток.

Старый лавочник моргнул, явно удивленный ее решением.

– Ах, – постучал он по свитку. – Будь с ним осторожна, я́тоу. Я слышал много историй о метках, созданных темной демонической энергией. Что бы ни скрывалось на твоём запястье, внутри этого шрама... давай просто надеяться, что его оставил кто-то с благородными намерениями.

– Всего лишь суеверия, – повторила Лань.

– Кто-то же положил начало этим суевериям, – зловеще произнес владелец магазина и скрючил пальцы. – Теперь можно перейти к оплате. Бесплатный сыр бывает в мышеловке. Мне нужно платить за квартиру и покупать еду.

Лань колебалась лишь мгновение. Затем девушка перегнулась через прилавок, отодвинула в сторону маленький мешочек с травяными порошками, которые старик Вэй, видимо, расфасовывал, и бросила на его место потрепанный мешочек из конопли. Тот приземлился на стойку со звоном.

Старик Вэй тут же вытянул руки, чтобы проверить его со-

держимое.

У старика расширились глаза.

– Десять кругов ада, я'тоу, – прошептал он и придвинул поближе свою старую бумажную лампу.

В свете пламени блестела гладкая серебряная ложка, вид которой вызвал тоску в сердце девушки. Это была весьма ценная находка. В закоулках чайного домика ее случайно выбросили вместе с битой посудой. Лань рассчитывала продать ложку, чтобы откупиться от Госпожи Мэн на месяц-другой. Эта штука явно стоила небольшого состояния, поскольку любой тип металла был пережитком прошлого. Когда элантйцы пришли к власти, первым делом они монополизировали поставки металла со всего Последнего царства. Золото, серебро, медь, железо, олово...

Лань знала, куда уходил весь металл: он доставался элантйским магам. Ходили слухи, что они управляли своей магией через металл. В это Лань могла поверить. Девушка собственными глазами видела, какой ужасающей силой они обладали. Элантйские маги разрушили Последнее царство голыми руками.

Они убили ее мать, даже не прикоснувшись к ней.

– Я не смогла продать эту ложку, – солгала Лань. – В наши дни никто не заинтересован в покупке металла. К тому же, если меня поймает элантйский офицер, от этой вещицы будет больше проблем, чем пользы. Не говоря уже о том, что Госпожа Мэн сдерет с меня шкуру, если узнает, что я ее

украдала. Просто используй ее, чтобы достать немного женьшеня для твоих старых легких, идет? У меня в ушах звенит от твоего кашля.

– Идет, – медленно произнес старик Вэй, все еще разглядывая серебряную ложку так, будто та была сделана из нефрита. Оставшаяся часть ее оплаты – мешочек с десятью медными монетами, которые она заработала за дни рыночной торговли, – лежала нетронутой. – Владеть любым металлом в наши дни очень опасно... Лучше оставь ее мне... – Взгляд Вэя внезапно стал острее, а лицо расплылось в широкой улыбке. Он наклонился к Лань и прошептал: – Думаю, в следующий раз мне удастся найти для тебя что-нибудь действительно стоящее. Мой источник познакомил меня с одним придворным. Он ищет на рынке...

Владелец магазина остановился и резко вдохнул, его взгляд метнулся за спину Лань, к бумажным ширмам, которые он распахнул, чтобы впустить прохладный вечерний ветерок.

– Ангелы, – прошипел он, переходя на элантйский язык. От этого слова ужас пробежал по венам Лань. Ангелы было сокращением от Белые Ангелы, прозвища, которое дали себе элантйские солдаты.

Лань резко обернулась. Там, в обрамлении резьбы витрины магазинчика Вэя, она заметила нечто, от чего к горлу подступила желчь. Вспышка серебра, блеск бело-золотой эмблемы с короной и крыльями, доспехи цвета зимнего льда...

Не было времени думать. Следовало убираться отсюда.

Лань бросила на Вэя испуганный взгляд, но выражение лица старого лавочника стало жестким. Он сжал губы в решительную линию. Когда Лань потянулась за свитком, Вэй перехватил ее руку.

– Оставь это мне, я'тоу. Не нужно, чтобы тебя поймали с чем-то подобным накануне Двенадцатого цикла. Возвращайся за ним, когда все успокоится. А теперь иди!

В мгновение ока свиток и серебряная ложка исчезли.

Она надвинула на глаза дули как раз в тот момент, когда над входной дверью прозвенел колокольчик, теперь почему-то резко и угрожающе.

Воздух сгустился. По полу тянулись длинные, мрачные тени.

Лань направилась к двери, радуясь своей грубой, сшитой из конопли дуаньда, свободной дешевой одежде, которая скрывала большую часть ее фигуры. Она достаточно долго проработала в чайном домике, чтобы знать, как элантйцы могут обращаться с девушками.

– Да хранят тебя четыре бога, – услышала она бормотание старика Вэя. Это была старая хинская поговорка, основанная на вере в то, что четыре Бога-Демона присматривают за своей родиной и своим народом.

Но Лань с поразительной ясностью видела, что в этом мире богов не существует.

Только монстры в облике людей.

Их было двое. Крепкие элантйские солдаты, облаченные в доспехи. Грохочущими шагами они прошли мимо Лань. Инстинктивно взгляд девушки метнулся к их запястьям, и от увиденного у нее перехватило дыхание. Никакого блеска металлических браслетов на запястьях, сидящих так туго, что они, казалось, срослись с плотью. Эти руки не могли вызвать огонь и проливать кровь щелчком бледных пальцев.

Значит, просто солдаты.

Когда она проходила мимо, один из них остановился. Дверь была всего в нескольких шагах, прохладный вечерний воздух уже коснулся ее лица. Сердце Лань дрогнуло, как у кролика, на которого смотрел орел.

Ангел вытянул руку и сжал пальцами ее запястье.

В животе Лань расцвел страх.

– Смотри, Максимилиан, – позвал солдат, другой рукой приподнимая край ее дули. Лань, смотря в его по-юношески зеленые, как летний день, глаза, удивлялась, как мужчина может сделать цвет олицетворением жестокости. Лицо солдата могло бы принадлежать одной из мраморных статуй крылатых стражей, которые элантйцы воздвигали над дверями своих домов и в своих церквях: красивое и совершенно лишенное человечности. – Не думал, что найду в подобном месте такой прекрасный экземпляр.

Лань выучила элантйский язык. Ей пришлось это сделать, чтобы работать в чайном домике. От этого языка кровь стыла в жилах. Слова элантйцев были длинными и раска-

тистыми, совсем непохожие на резкие иероглифы хинской речи. Элантйцы говорили медленно, неторопливо, как люди, опьяненные властью.

Лань стояла тихо, даже не смея дышать.

– Оставь эту штучку, Доннарон, – окликнул первого напарник. Он уже был на полпути к стойке, где старик Вэй согнул спину и с подобострастной улыбкой на лице склонил голову. – Мы на дежурстве. Сможешь повеселиться, когда закончим.

Пристальный взгляд Доннарона прошелся по лицу Лань, скользнул вниз по ее шее и дальше. Уже от этого девушка почувствовала себя оскорбленной. Ей хотелось выцарапать эти юные зеленые глаза.

Ангел одарил Лань широкой улыбкой.

– Какая досада. Но не переживай, мой маленький цветок. Я не отпущу тебя так легко. – Давление на ее запястье слегка усилилось, как обещание или угроза, а после солдат отпустил ее.

Лань, спотыкаясь, двинулась вперед. Схватившись за дверную ручку, одной ногой она уже переступила порог, но заколебалась.

Девушка оглянулась.

Силуэт старика Вэя казался маленьким рядом с внушительными элантйцами, тенью в лучах заходящего солнца. Всего на одно мгновение торговец бросил на нее взгляд своих слезящихся глаз, и Лань уловила едва заметный кивок.

Иди, я'той.

Лань толкнула дверь и бросилась бежать. Она не оставалась, пока не оказалась достаточно далеко от каменных парапетов, отмечавших вход на вечерний рынок. Впереди простиралось темное пространство – Залив Южных Ветров, отливающий малиновым, когда в его волнах отражались осколки угасающего солнца. Здесь ветры были резкими и солеными. Они грохотали над деревянными причалами и свистели над старыми каменными стенами Хаак Гуна, как будто хотели поднять саму землю.

На что это похоже – быть таким свободным и таким могущественным? Возможно, однажды она узнает. Возможно, однажды она сможет сделать больше, чем просто подарить старому, больному человеку тонкую серебряную ложку и убежать, когда опасность постучит в дверь.

Лань подняла лицо к небу и вздохнула, массируя ту часть запястья, до которой дотронулся солдат, пытаясь стереть ощущение его пальцев. Сегодня было зимнее солнцестояние, отмечающее двенадцатый цикл элантийского завоевания. Поскольку высшие элантийские чиновники собрались на торжество, правительство, вполне ожидаемо, усилило патрулирование крупнейших хинских городов. Хаак Гун был Элантийской южной заставой, жемчужиной торговли. Он уступал только Небесной столице Тяньцзин или, как его теперь стали называть, Городу короля Алессандра.

«Двенадцатый цикл, – подумала Лань. – Боги, неужели это

было так давно?» Она до мельчайших подробностей помнила, как разрушился ее мир.

Снег, падающий как пепел.

Завывающий в бамбуке ветер.

И песня деревянной лютни, возносящаяся к небесам.

Когда-то у нее было имя, подаренное матерью. Лянь-Эр, что означает «лотос» – цветок, который расцветает там, где нет ничего, кроме грязи, подобно проблеску света в самые темные времена.

Они отняли у нее это имя.

Когда-то у нее был дом. Большой, с внутренним двором, где росли зеленые плакучие ивы, обрамляющие озера. С каменными дорожками, усыпанными лепестками вишни, с верандой, открытой навстречу буйству жизни.

Они отняли у нее этот дом.

И у нее была мать. Любящая мать, которая учила ее историям, сонетам и песням, которая, переплетя свои пальцы с ее, обнимая весь ее мир, штрих за штрихом взращивала в ней искусство каллиграфии на мягких пергаментных страницах.

Они забрали и ее мать тоже.

Вдалеке раздался долгий, гулкий звон сумеречных колоколов, вырвав Лань из воспоминаний. Девушка открыла глаза, и перед ней снова предстало одинокое, пустое море, отзывающееся эхом всего, что она потеряла. Когда-то давно она, возможно, уже стояла здесь, на краю своего мира. Тогда она

пыталась осмыслить, почему все пошло под откос, как она оказалась ни с чем, кроме разбитых воспоминаний и странного видимого только ей шрама.

Но по мере того как звон колоколов разносился по небу, на Лань наваливалась реальность. Она была голодна, устала и опаздывала на вечернее представление в чайном домике.

Свиток казался многообещающим, но... Она снова провела рукой по левому запястью. Каждый штрих странного, неразборчивого иероглифа неизгладимо отпечатался в ее памяти.

«В следующий раз, – сказала она себе точно так же, как делала это на протяжении последних одиннадцати циклов. – В следующий раз я расшифрую сообщение, которое ты оставила мне, мама».

А сейчас Лань сняла дули и отряхнула рукава.

Ей нужно было вернуться в чайный домик, чтобы не нарушать условия контракта.

Она была обязана прислуживать элантийцам.

На завоеванной земле единственным проявлением победы было выживание. Не оглядываясь, девушка повернулась лицом к красочным улицам Хаак Гуна и начала подниматься на холм.

2

При жизни ци сверкает и движется как ян.

После смерти ци становится холодной и застывает как инь. Тело с беспокойной ци свидетельствует о беспокойной душе.

**Чо Юн, Императорский Заклинатель Духов
«Классика смерти»**

Магазин лежал в руинах. Ночной воздух пропитался едким запахом магии металла.

Цзэнь стоял в тени полуразрушенных домов одного из переулков Хаак Гуна, шокированный масштабом разрушений, произошедших всего в нескольких шагах от него. Хотя в этом не было ничего неожиданного или необычного. С самых первых завоеваний подобное творилось сплошь и рядом, но он все же был не готов к такому дерзкому проявлению насилия и доминирования в предполагаемой жемчужине элантйской власти. Цзэнь мог принять предупреждение на свой счет: элантйцы любили делать из своих предателей и мятежников примеры, отправлять послание из крови и костей, чтобы показать другим, что надежды нет и сопротивление бессмысленно.

Цзэнь почти поверил им.

Он колебался всего мгновение, прежде чем снять перчатки. Воздух был прохладным и хрустящим на ощупь. Поток

влажного ветра коснулся его кожи. Парень чувствовал огонь свечей, которые тускло освещали район – здесь люди были слишком бедны, чтобы позволить себе поставляемый элантйцами алхимический свет, – и прочную землю под ногами. Металл и дерево жилых конструкций вдоль улицы.

Никаких других нарушений в потоке энергии ци.

Цзэнь выпрямился и вышел на дорогу. В три быстрых шага он оказался у двери магазина, хрупкая рама из старого, гниющего дерева легко проломилась. Сумеречные колокола только что перестали звонить, а значит, празднование Двенадцатого цикла должно было вот-вот начаться. В то время как пешие солдаты рыскали по улицам, высокопоставленные чиновники южного оплота правительства Элантии должны были собраться в самом тихом районе.

Не то чтобы Цзэню следовало их бояться; в длинном черном плаще, плоской кепке и этих ужасных лакированных ботинках его могли принять за любого другого работающего на элантйцев торговца.

Кого Цзэню действительно нужно следовало избегать, так это магов.

Он оглядел улицу и, ничего не увидев и не почувствовав, вошел в маленький магазинчик.

Место было залито кровью. Он почувствовал это, как только потоки ци окутали его – вода и металлы, входящие в состав крови, окрашенные в инь – сторону ци, которая олицетворяла холод, тьму, гнев и смерть. Противоположность

ян, несущей в себе тепло, свет, радость и жизнь.

Инь и ян: две половины ци, две стороны монеты, в непрерывном цикле равновесия постоянно переходящие одна в другую. Тепло – холод, свет – тьма... жизнь – смерть.

Проблемы возникали именно тогда, когда баланс нарушался.

Он пробирался через обломки: щепки от перевернутых полок, оторванные куски половиц, открывающие участки фундамента под ними. Цзэнь заметил среди руин кое-какие предметы: кисточку из хвоща со сломанной ручкой, фигурку дракона, расколотую пополам, складной веер, согнутый, как сломанное крыло. Вещи, имеющие значение для Хина, которые элантйцы уничтожили не задумываясь.

Цзэнь сделал глубокий, успокаивающий вдох и повернулся к фигуре на полу. Он окинул взглядом труп: конечности торчали под нелепыми углами, рот был приоткрыт от удивления или в беспомощной мольбе. Владелец лавки был пожилым человеком: его лоб усеивали печеночные пятна, седые волосы блестели в лунном свете. Цзэнь почувствовал в легких бедняги неестественную влажность – возможно, то была болезнь, вызванная вечной сыростью южного климата.

Подавив ярость, которая клочкотала в его груди, парень очистил свой разум и обратился к наставлениям своего учителя.

Успокой бурю эмоций. Нельзя плыть по беспокойному океану.

Цзэнь обязан был относиться к телу как к улике, головоломке, ожидающей, когда ее разобьют на части и снова соберут воедино.

«Старик Вэй, – подумал он, разглядывая мертвеца, стараясь не упустить детали. – Что же с тобой случилось?»

Владелец магазина был осведомителем, которым после долгих поисков Цзэню посчастливилось обзавестись. Ходили слухи, что этот человек занимался контрабандой: торговал предметами, запрещенными элантийцами, и знаниями, строго засекреченными правительством.

Цзэнь пришел сюда ради одной вещи: торгового реестра закупаемых правительством металлов, ключа к пониманию передвижений Элантийских войск. Последние двенадцать циклов свидетельствовали о том, что завоевателей совсем не интересовали Центральные равнины – обширный, необузданный регион Последнего царства. Вместо этого они предпочитали создавать свои плацдармы⁶ в крупных торговых портах и городах, раскинувшихся вдоль восточного и южного побережий.

За последние несколько лун кое-что изменилось: в бамбуковых лесах чаще, чем когда-либо прежде, мелькали элантийские металлические доспехи, слышался грохот войск, перебирающихся на Элантийскую южную заставу. Именно по-

---

⁶ Плацдарм – территория своего или другого государства, применяемая в качестве базы для сосредоточения и развертывания вооруженных сил, а также исходного пункта, создаваемого с целью ведения военных действий против кого-либо.

этому Цзэнь и оказался здесь.

Только теперь его осведомитель был мертв.

Парень стиснул зубы, сдерживая гнев и разочарование. Он проделал столько миль, но только потерял впустую время. Элантыйцы не только лишили его ценной наводки, что отбрасывала Цзэня и его школу на шаг назад, но также совершили величайшее, на его взгляд, преступление: убили старика.

Постепенно Цзэнь осознал, что это место пахнет как-то странно. Элантыйская магия отдавала горелым металлом из-за того, что маги использовали для создания своих заклинаний алхимию. Но в магазине витал слабый, почти незаметный аромат чего-то другого. Чего-то знакомого.

Цзэнь полез в черный шелковый мешочек, который всегда носил на бедре, и достал из него две палочки благовоний. Вдохнув, он дотронулся указательным пальцем до кончика палочки, а затем начал рисовать в воздухе печать для огня. Цзэнь натренированно и точно совершал быстрые размашистые движения пальцем как каллиграф. Только парень выводил иероглиф, который ни одному каллиграфу было не понять.

Как только один конец кругового мазка соприкоснулся с другим, Цзэнь почувствовал сдвиг ци вокруг себя: концентрация огня закручивалась в светящуюся печать перед ним, оживая на кончиках палочек, которые на мгновение вспыхнув красным, превратились в серый дым.

Все это произошло в мгновение ока.

Цзэнь поднес палочки к труп, держа их над сердцем старика.

Сначала ничего не происходило. А затем дым начал рассеиваться в серебристом свете луны, льющемся сквозь разорванные бумажные окна. Вместо того чтобы неуклонно подниматься по спирали, он устремился к Цзэню, отпрянув от трупа, будто... пытался убежать от него.

Цзэнь наклонился и сделал короткий, точный вдох. Дым был теплым, с ароматом сандалового дерева и легким привкусом измельченного бамбука. И все же под этой смесью, подобно теням, цепляющимся за свет, витал своеобразный запах. Горький, который Цзэнь ранее принял за элантыйскую магию.

Но... нет, этот след оставили не элантыйские королевские маги.

Цзэнь медленно выдохнул, глядя на труп с пробуждающейся тревогой. Хины зажигали благовония в память об умерших, но истоки этого обычая были давно забыты, стерты со страниц истории. Задолго до эпохи Последнего царства, когда Император-Дракон ограничил магическую практику пределами своего двора, благовония использовали для разделения энергий инь и ян. Ян – энергия солнца, тепла, света и жизни – притягивала дым. Инь – энергия луны, холода, тьмы и смерти – отталкивала его.

Большинство трупов содержали в себе равный состав ци,

но тело старика Вэя, похоже, хранило стойкий запах инь.

Хотя деревенские сказки шептали об обратном, изначально в энергии инь не было ничего плохого. Она означала простую необходимость, другую сторону медали, являлась составляющей ци.

Проблемы возникали, когда энергия инь оставалась несбалансированной.

Ибо инь также была сверхъестественной энергией.

«Мо, – сразу же подумал Цзэнь. – Демон».

Душа, наполненная непреодолимым гневом или ненавистью – избытком энергии инь. В сочетании с незаконченным делом эта энергия после смерти не рассеивалась в естественном ци мира. Вместо этого она превращалась в нечто злое. Нечто демоническое.

Желудок Цзэня сжался, когда он потянулся к рукояти кинжала, пристегнутого к внутренней стороне его ботинка. Оружие было не слишком длинным, носить с собой длинный меч на территории Элантии казалось слишком рискованно. Особенно теперь, когда перед праздником Двенадцатого цикла по городу бродило множество патрулей. Кроме того, этот кинжал – Тот, Что Рассекает Звезды – был создан именно для борьбы с демонами.

Мысль о том, что душа превращается в демона или что-то вроде вурдалака здесь, в центре Элантийской южной заставы, казалась Цзэню неуместной, почти смехотворной. Было бы довольно забавно превратить происходящее в легенду о

том, как орда демонов обрушилась на элитных военных генералов империи.

И все же, подобно тому, как после завоевания хины начали исчезать со своих земель, то же самое произошло и с духами.

Нет, предполагать, что душа старика превратится во что-то демоническое, казалось неправильным. Для формирования ядра демона – концентрации ци, придававшей чудовищу жизненную силу, – требовались целые циклы, если не десятилетия или столетия. Кроме того, сосредоточившись на текущих вокруг энергиях, парень обнаружил небольшое различие: инь, которую он чувствовал, исходила не от самого трупа, а скорее висела над некоторыми его частями, как облако духов. И теперь, расширив свое восприятие, Цзэнь заметил следы, витающие по всему магазину: в воздухе, на полу, у двери.

Глаза парня распахнулись. Костяшки пальцев, сжимавшие рукоять кинжала, побелели. В этой тайне было нечто гораздо более интригующее и зловещее.

Кто-то другой оставил здесь энергию инь. И в мире, где только обученные практики могли манипулировать ци, на ум Цзэню приходил только один человек, владеющий ци, состоящей из инь: демонический практик. Тот, кто использовал запрещенную ветвь практики, черпающую энергию связанного с чьей-то душой демона.

Такое просто невозможно.

Ограничения на демонические практики становились все жестче вплоть до восьмисотого цикла Срединного царства, но только в конце эпохи эта ветвь искусств была искоренена. Император Янь Лун, Император-Дракон, уничтожил последних демонических практиков мятежного Мансорианского клана, превратив бывшее Срединное царство в Последнее: эру мира, без вражды между Девяносто девятью кланами и императорским правительством Хин. Выжившие кланы сдались, поклявшись в верности Императорскому двору. За теми, кто этого не сделал, большую часть эпохи велась охота, которая в конце концов закончилась их полным исчезновением.

Так продолжалось всего восемьдесят циклов, а после произошло элантйское вторжение.

Цзэнь отпрянул, будто обжегшись, и сломал печать взмахом пальца. Струйки благовоний с шипением погасли, в наступившей тишине слышался только стук его сердца.

Внимание парня переключилось с беспокойства о торговом реестре, за которым он пришел, на прочесывание местности в поисках новых следов этой странной ци.

Он отыскал еще один источник концентрации: расплюснутый свиток, который лежал под одной из рук старика Вэя. Цзэнь вытащил свиток и развернул его, стряхивая мусор и деревянные щепки. Пульс парня участился.

На свитке была изображена заклинательная печать, вероятно, скопированная из какого-то учебника. Цзэнь с удивле-

нием изучал иероглиф – структурно сбалансированный, сочетавший в себе прямые штрихи и изогнутые взмахи, которые имитировали символы Хин, но были расположены совершенно по-другому. Все они были заключены в круг. Цзэнь понял, что, несмотря на все циклы, что он провел за учением, эта печать была ему неизвестна. Он перевернул свиток и, не найдя ничего на обороте, изучил пометки на полях – четыре Бога-Демона, восседающих на завитках нарисованных облаков.

Страница была взята из книги, которой он раньше не видел, но вопрос заключался в том, что вообще делал здесь этот свиток. Тонкий лист, лежавший в его руках, казалось, раздулся, олицетворяя великую невозможность: нечто, вопреки всему проскользнувшее сквозь трещины времени, преодолевая воздействие воды и огня. После разгрома Мансорианского клана и капитуляции остальных кланов магическая практика стала ограничиваться служением двору по императорскому указу. Все, что выходило за рамки этого, уничтожалось. В официальных документах не упоминался тот факт, что Император-Дракон сжег Сто Школ, но это передавалось из уст в уста практиками, которые все еще помнили тот день.

К концу Последнего царства знания практиков и Ста Школ воспринимались простыми людьми как старые народные предания.

Затем пришли элантйцы и сожгли оставшиеся храмы

хинов дотла, уничтожив служащих Императорскому двору практиков, чтобы хинский народ никогда больше не восстал. Несколько оставшихся школ, негласно одобренных императором, пали через несколько дней после завоевания.

Все, кроме одной.

Аккуратно, как будто свиток был украшен золотом и лазуритом, Цзэнь свернул его и спрятал в свой черный шелковый мешочек. Его сделка с Вэем была аннулирована. Старый лавочник обратился на черный рынок Хина с просьбой найти любые уцелевшие книги Ста Школ. Цзэнь, узнав профессию этого человека, попросил его раздобыть элантйские торговые реестры по закупке металлов.

В частности, драгоценных.

Металлов, которые копились и использовались королевскими магами Элантии для заклинаний.

На самом деле Цзэнь не планировал давать старику учебник с настоящими практиками. Какие бы уцелевшие реликвии ни были извлечены из руин Ста Школ, они стоили больше, чем самый лучший нефрит.

«Почему? – размышлял сейчас Цзэнь, рассматривая труп старика. Струйки благовоний клубились вокруг него, как тени. – Зачем тебе понадобилась книга с практиками?»

Что еще более важно, кому владелец магазина планировал ее продать?

Цзэнь предположил: тому самому человеку, что оставил витать в воздухе след энергии инь.

Парень провел рукой по своему черному шелковому мешочку, в котором был надежно спрятан свиток. Если бы только он мог поговорить со стариком.

Цзэнь знал практиков, гораздо более искусных в вызывании духов, чем он. К тому же выполнение подобного заклинания могло лишить его сил. Но даже если бы у него остались силы, создание чего-то большего, чем малейшее колебание энергий, приманит королевских магов, как финики в меду манят муравьев. Призвать духа – то же самое, что подбросить бочонок с порохом в ночное небо и взорвать его.

А для Цзэня, выжившего хинского практика, попадание в руки королевских магов Элантии грозило бы кое-чем похуже смерти... К тому же это разоблачило бы существование устоявшейся Школы Практик Последнего царства.

В раздумье он повертел палочки благовоний между пальцами. Благовония не лгали: где-то в этом коррумпированном городе разгуливал практик-мошенник. Правила игры изменились. Теперь Цзэню было крайне важно добраться до этого человека первым. Не только для того, чтобы уберечь его и его навыки от рук элантийцев, но и чтобы выяснить его связь со стариком Вэем. Нужно найти объяснение энергии инь, что витала здесь.

Печать на этом свитке станет ключом к поискам.

Цзэнь наклонился вперед. Глаза старика были все еще открыты, на лице застыл ужас. Лунный свет делал кожу Вэя белой – цвет, характерный для скорби.

Цзэнь снова натянул перчатки и двумя пальцами закрыл торговцу глаза.

– Мир твоей душе, – пробормотал он, – надеюсь, ты найдешь Путь домой.

Затем парень встал, поплотнее запахнул свой черный плащ и покинул разгромленный магазин. Через несколько мгновений поглощенный теньями, он стал не более чем силуэтом в ночи.

Хочешь знать будущее – изучай прошлое.
«Контенсианские аналекты» Классика общества, 3:9

Лань помнила, что именно мама говорила о ее будущем.

«Ты станешь моей преемницей на посту императорского советника, – произнесла она, стоя на фоне вырезанного из розового дерева окна их кабинета и наблюдая, как Лань оттачивает свой каллиграфический почерк. Волосы матери напоминали взмах черных чернил, ее светлое шелковое одеяние развевалось на ветру, который дул в день весеннего солнцестояния. – Царство станет твоим долгом. Ты будешь защищать слабых и обрешь равновесие в мире».

Когда-то все это казалось возможным.

Лань было интересно, что бы подумала ее мать, взглянув на нее сейчас.

К тому времени, как она добралась до чайного домика, вечерние колокола давно стихли. Известный хинам как Мэй’тин ЧаТуань и непосредственно переведенный на элантйский как «Роза», чайный домик располагался под Королевскими холмами, самым богатым районом Хаак Гуна, где обосновались элантйцы.

С того места, где стояла Лань, можно было увидеть иноземные дома, возвышающиеся на горах, обрамляющих во-

сточную границу города: острые, многослойные здания из металла и мрамора стояли, как бледные часовые. С самых высоких точек города они наблюдали за завоеванными землями. С Королевских холмов открывался вид на дорогу короля Алессандра, некогда известную как Дорога Четырех Богов: самый процветающий район Хаак Гуна, полный ресторанов, магазинов и других увеселительных заведений. Это место от заката до рассвета освещалось горящим золотом алхимических ламп.

Тем временем остальная, простиравшаяся ниже вечернего рынка и до залива Южных ветров, часть Хаак Гуна продолжала приходить в упадок, а ее жители голодали в забитых мусором трущобах.

Но как же элантийцы обожали хинскую культуру: достаточно, чтобы сохранить самые красивые ее фрагменты для собственного пользования.

Лучшим примером тому служил чайный домик «Роза».

Лань, спотыкаясь, побрела по переулку, где сточные каналы были залиты жиром и отходами с кухонь. Она свернула за знакомый угол и приоткрыла тонкую бамбуковую дверь.

До нее сразу же донеслись запахи шипящей пищи и горячий пар, поднимавшийся из чанов с кипящей водой. Несколько поваров в серых льняных халатах, стоя на коленях, мыли посуду. Они окликнули Лань, когда та пробежала мимо.

– Извините... Прошу меня простить, повар... опазды-

ваю...

– Девочки, вы опять плевали в мои кастрюли? – проревел появившийся из облака пара повар Ли – потный, раскрасневшийся мужчина.

– Нет! – крикнула в ответ Лань. Это напомнило ей о том, что следует придумать, как поступить с теми деньгами, которые она наскребла, победив других певичек в игре под названием «плевков в горшок». Богатые женщины играли в «плевков» причудливыми колодами карт в золотой оправе, перебирая их пальцами, увешанными драгоценностями; бездомные же бродяги играли в «плевков» при помощи украденных кастрюль и быстро работающих ртов.

Девушка услышала, как Ли что-то крикнул ей в ответ, и, поймав пирог с луком, который полетел ей прямо в голову, оторвала от него кусочек.

– Спасибо, дядя Ли! – крикнула она приглушенно, нырнув за перегородку к ведущей в подвал лестнице. Этот коридор был скрыт от глаз посетителей главного обеденного зала стеной из бумажных ширм, сквозь которые Лань могла слышать болтовню и звон столовых приборов. В коридоре пахло розами – фирменным ароматом чайного домика и национальным цветком элантйцев. Госпожа Мэн могла быть безжалостной и аморальной, но свои дела эта женщина вела превосходно.

Лань слетела вниз по лестнице и ворвалась в примерную, проталкиваясь через группу своих коллег и вызывая волну

протестов на своем пути. Не обращая на них внимания, девушка протиснулась в другой конец комнаты и начала раздеваться, снимая липкую конопляную рубашку и намыливая мыло холодной водой, которая осталась в каменной раковине. После еще нескольких взглядов и хмыков другие певички вернулись к болтовне о большом шоу, которое планировалось сегодня вечером. Их разнообразные диалекты сплетались воедино, подобно пению птиц.

– Десять кругов ада, ЛяньЭр, где ты была?

В зеркале под желтым светом фонаря появилось отражение девушки, обладающей чертами, которых у Лань не было: мягкие розовые щеки, нежные глаза лани, вишневые губы, в данный момент озабоченно поджатые.

Если и был кто-то, кого Лань не хотела заставлять волноваться, так это Ин'хуа – теперь же просто Ин. Эта девушка была единственным человеком в мире, знающим истинное имя Лань – то, которое было у нее до прихода элантийцев и требования, чтобы хины идентифицировали себя односложным прозвищем. Очевидно, три слога являлись слишком длинными для лицемеров, которые носили имена, звучащие так же отвратительно, как имена богов. Что-то вроде Николаса, Джонассона или Алессандра. Лань часто засыпала, бормоча про себя имена высокопоставленных элантийских чиновников, перебирая языком странные слоги, чтобы произносить их более плавно и быстро. К тому же она всегда могла использовать эти имена по своему усмотрению, что

в последнее время значило превращать их в непристойные песни, когда она выполняла различные поручения в чайном домике.

– Днем, в последнюю минуту, Госпожа решила провести репетицию, – продолжала упрекать Ин, начав расчесывать волосы Лань щеткой. – Очевидно, сегодня вечером придут несколько высокопоставленных элантйских чиновников. Сами королевские маги. – Последняя часть была произнесена со смесью страха и благоговения. – Мы искали тебя повсюду.

– Правда? – У Лань кровь застыла в жилах при мысли о том, чтобы пропустить одно из распоряжений управляющей чайного домика. – Госпожа что-нибудь сказала?

– Она просто спросила, знаем ли мы, где ты. Я тебя прикрыла. – Взгляд Ин заострился, когда Лань перевела дыхание. – Так где ты была?

– Извини, – сказала Лань подруге, снова ополоснув лицо водой и вытирая его полотенцем, в качестве которого послужила ее собственная рубашка. – Я только спустилась на вечерний рынок.

Ин поджала губы, а ее глаза наполнились неодобрением. Не говоря больше ни слова, она достала из сундука вечерний наряд для выступления и помогла Лань его надеть.

– Не понимаю, почему тебя всегда туда так тянет, – вздохнула она, натягивая шелковый рукав. – Нельзя, чтобы певиц из чайного домика видели там, иначе у нас будут неприятно-

сти. К тому же там так... грязно. И ты рискуешь загореть... даже больше, чем сейчас. Потом будешь выглядеть как кто-то из древнего клана!

Лань еле удержалась, чтобы не закатить глаза. Ин любила комфорт и ту небольшую роскошь, которую предлагал чайный домик, но Лань была слишком неугомонной для этого. И все же, наклонив голову, чтобы нанести румяна на щеки и губы, девушка поняла, что иногда сладкая ложь лучше горькой правды. Она не могла рассказать Ин, почему вообще навещалась к старику Вэю.

Она изучала свое отражение. Ее кожа была на несколько тонов темнее, чем предпочитала Госпожа Мэн. Элантйские стандарты красоты подразумевали, что девушки Хин обладали бледными как снег лицами и гибкими фигурами. Тем не менее Лань не могла изменить ту внешность, с которой она родилась. Девушка решила, что предпочитает стать бельмом в глазах Белых Ангелов.

— В этом нет ничего плохого, — ответила она, высовывая язык. — Кроме того, разве мы все в какой-то степени не являемся потомками кланов?

Даже после завоевания среди хинов считалось чем-то вроде табу говорить о Девяноста девяти кланах, как они когда-то назывались. Лань знала только то, что они угрожали миру и стабильности Срединного царства и были побеждены императором Янь Луном, установившим мир и процветание Последнего царства. Кланы распались, канули в безвестность,

а их представители, чтобы избежать преследования, стали маскироваться под хинов.

Скорее всего у большинства хинов среди предков имелась парочка-тройка представителей кланов. Пусть они об этом и не догадывались.

– Поможешь мне с подводкой? – спросила Лань.

Губы Ин изогнулись в улыбке, и она взяла у нее карандаш. Ее пальцы были теплыми и мягкими, когда она с осторожностью провела по линии ресниц Лань. Лань в это время продолжала, напевая, наносить румяна на губы.

– Какую песню ты все время мурлычешь? – задумчиво спросила Ин.

Лань пожала плечами. Она не могла вспомнить мелодию. Ей казалось, что однажды ночью она слышала эту песню во сне. Этот мотив Лань знала, сколько себя помнила.

– Вероятно, это старая колыбельная, – ответила она.

– Хм. – Ин откинулась назад и, поджав губы, осмотрела свою работу. Подруга просияла. – Однажды ты найдешь себе богатого аристократа.

Лань фыркнула, а Ин ущипнула ее.

– Ай, больно! Это ты у нас мечтаешь выйти замуж за красивого аристократа, Ин.

– Можешь перестать извиваться хотя бы пять секунд? И да, именно об этом я мечтаю. – В голосе Ин слышалась напряженность, пока она поправляла несколько прядей, выбившихся из прически Лань. – Нет ничего зазорного в том,

чтобы извлечь максимум пользы из плохой ситуации. Зная, ты этого боишься, но я мечтаю однажды побывать в комнате цветов персика.

Внутри Лань все напряглось. Она часто спорила с Ин о комнате цветов персика. Получившая прозвище «Комната наслаждений», она располагалась на втором этаже, разделенном на уединенные помещения. Вход туда был строго воспрещен. Ходили слухи, что бронирование одной ночи стоило сотню золотых слитков, и если элантыйский чиновник или дворянин просил прислать туда певицу, то цена назначалась явно не за комнату. Если повезет, контракт бедняжки также передавался покупателю, а сама она становилась его собственностью.

В противном случае Госпожа присылала девицу на одну ночь, а затем выгоняла ее вон. Никому не нужен сломанный цветок.

«Но, – подумала Лань, изучая себя в зеркале: все еще влажные волосы, пудру и румяна, покрывающие кожу, – у самой певицы выбора не было».

Лучше уж работать в чайном доме, чем голодать на улицах.

Лучше угодить элантийцу, чем умереть от его рук.

Лань дотронулась пальцем до маленького, связанного из конопли мешочка, в котором хранились высушенные и измельченные лепестки лилии. Она всегда носила их с собой. Отказ пахнуть розами, национальным цветком Элантии, был

одним из ее маленьких бунтарств.

– Сегодня никаких изменений в шоу не предвидится, верно? – спросила она, чтобы сменить тему. Остальные певички уже нарядились в костюмы, украшенные мерцающими цветами. Все они ночь за ночью выставлялись на всеобщее обозрение. – Мы все еще играем «Балладу о Последнем царстве»?

Ин открыла рот, чтобы ответить, но холодный голос с точностью хирургического скальпеля прервал их разговор.

– Ты бы это знала, если бы присутствовала на репетиции. Веселый гомон других девушек тут же стих. Когда в дверном проеме мелькнула тень, в комнате, казалось, похолодало.

Госпожа Мэн скользила по деревянному полу мягкими извилистыми шагами. Шелковые одежды развевались позади нее. Говорят, что красота со временем увядает, но хозяйка чайного домика «Роза» старела, как прекрасное сливовое вино. Ее черные локоны, ниспадающие дымчатыми перьями на плечи, были уложены в традиционную прическу Хин. Подведенные глаза и кроваво-красные губы обрамляли ее лицо, как рама обрамляет портрет. На ее пальцах блестела длинная и острая, как когти, броня для ногтей, изготовленная в стиле наложниц древнего Хин.

Как и Хаак Гун, Госпожа Мэн и ее чайный домик пережили завоевание и даже начали процветать, поскольку другие рестораны и таверны в окрестностях были закрыты и за-

менены на более приемлемые для элантийцев. Госпожа использовала свою красоту как оружие. Она отказалась от гордости, ценностей и морали павшего царства и бросилась в объятия своих завоевателей.

Люди могли бы осудить ее... но все они были мертвы.

Теперь она вышагивала по залу, как императрица в своих владениях. Когда она проходила мимо, певички выстраивались в шеренгу, шепча «Госпожа».

– Так-так, смотрите, кто удостоил нас своим присутствием, – сказала Госпожа Мэн. Ее голос был нежным. И хотя женщина практически шептала, Лань вздрогнула, как если бы на нее кричали.

– Прошу прощения, Госпожа, я...

Владелица чайного домика взметнула руки и впиалась изогнутой броней для ногтей в предплечья Лань. Девушка поборола вздох; когда она перевела взгляд на Госпожу, ее сердце затрепетало, как птица в клетке. Глаза Госпожи Мэн были ужасающе черными.

– Стоит ли мне напомнить, – продолжила Госпожа Мэн, – что случается с певичками, которые чувствуют себя здесь слишком комфортно?

Когти кололи, но Лань знала, что Госпожа не станет пускать кровь – не в ночь величайшего представления.

Лань опустила глаза:

– Нет, Госпожа. Это больше не повторится.

Внезапно женщина подняла руку, как будто хотела дать

девушке пощечину. Лань вздрогнула, закрыв глаза, но в следующее мгновение ей в щеку уперлись острые когти. Госпожа Мэн никогда не била своих певичек так, чтобы можно было легко заметить отметины.

– Сегодня вечером я жду от тебя лучшего выступления, – протянула она, проведя пальцем по щеке Лань. Она осторожно прикоснулась к пятну на лице девушки и поправила слой пудры. – Вот так. Теперь ты выглядишь идеально, как кукла. Ни один мужчина, посмотрев на тебя, не заметит твой лисий характер.

Удивительно, как Госпожа могла произнести комплимент так, чтобы он напоминал угрозу. Она повернулась и исчезла в дверях, оставляя за собой облако благоухающего розами ужаса.

Где-то наверху раздался удар гонга. Девушки начали выстраиваться у двери, шаркая по деревянному полу шелковыми тапочками и расправляя ткань своих костюмов.

Лань бросила последний взгляд на свое отражение. Как всегда, она была в белом шелковом ципао, слишком простом по сравнению с роскошными платьями других девушек, но именно это ей и нравилось. В беспокойные времена лучше оставаться незаметной, как голубь, чем выделяться, как павлин. Она была ведущей и единственной певицей, вечно играющей роль рассказчицы. Десять циклов назад Госпожа посмотрела на ее тощую фигурку и заявила, что не станет тратить ткань на «лисицу с обочины».

Но у Лань было кое-что, чем не могли похвастаться другие девушки: голос чище самого прекрасного нефрита. Даже в детстве, когда она пела из-за ширм, ее голос, казалось, гипнотизировал посетителей. Вскоре выступления в чайном домике «Роза» привлекли внимание элантайских генералов, и бизнес Госпожи Мэн начал процветать. Когда же губы и грудь Лань округлились, Госпожа заметила, что она выросла не такой уж уродливой: стройная беспризорница со скорее резкими, чем красивыми чертами лица. Тем не менее она стала еще одной куклой, которую можно было добавить в коллекцию.

Лань поспешила встать в конец шеренги, когда при втором ударе гонга девушки начали подниматься вверх. За ширмой из вишневого дерева, которая вела на кухню и в спальни, Лань уже могла слышать гул голосов собравшихся. Насыщенное шоу, подходящее для кануна Двенадцатого цикла правления Элантии.

Прозвучал третий гонг, и раздался пронзительный голос Госпожи Мэн:

– Мои достойные покровители, я благодарю вас за то, что в этот особенный вечер вы удостоили мой чайный домик своим присутствием. Обещаю, сегодняшнее представление вы не забудете никогда. Сегодня, в честь Двенадцатого цикла элантийского сияния, я представляю вам «Балладу о Последнем царстве». Пожалуйста, поприветствуйте наших любимых певиц!

Через щель складывающейся ширмы Лань наблюдала за тем, как на сцене, в вихре паутинки и газа кружились де-вушки. Каждый наряд, сшитый так, чтобы прийтись по вкусу элантийцам, представлял собой существо из древних преданий Хин.

В балладе присутствовали четыре Бога-Демона, зеленый змей в мерцающих изумрудах и нефритах, разноцветный ци'линь с повязкой из оленьих рогов, лунный кролик в мягком меховом одеянии и многие другие. Ин, как всегда, облаченная в красивый наряд, в котором сочетались розовый цвет и цвет фуксии, играла волшебный цветок лотоса.

– Рассказчик!

Лань поняла намек и скользнула на сцену. Она проплыла в самый центр и оглядела собравшихся сегодня вечером посетителей. Черeda бледных лиц с волосами от пшеничного до медно-каштанового, элантийские военные, одетые в белые ливреи, сверкающие серебряными воротничками и манжетами.

Лань, уперев руки в бедра и покачивая головой, присела в реверансе. И тут она заметила посетителя, одиноко сидевшего за столиком в первом ряду.

Лань удивилась – этот мужчина был хином. Поскольку с первого ряда было идеально видно сцену, расположенные там столики стоили недешево и обычно предназначались для высокопоставленных элантийских генералов. С видом человека, наделенного властью и привыкшего к особенному об-

ращению, парень откинулся на спинку кресла из розового дерева, небрежно подперев подбородок рукой в черной перчатке.

Он был самым красивым парнем, которого Лань когда-либо видела. Коротко подстриженные спутанные волосы цвета ночи ниспадали на тонкое, точеное лицо, будто чернила, нанесенные на фарфор. Глаза того же оттенка, что и дым, обрамленные прямыми, слегка нахмуренными черными бровями... Портрет завершал беззаботный изгиб рта, уголки которого от скуки были слегка опущены вниз. Он был одет как элантйский торговец или, возможно, судебный чиновник в штатском: гладкая белая рубашка, черный плащ и брюки. Никаких ярких цветов.

«Придворный пес, – подумала Лань. – Хин, ставший предателем, чтобы работать на правительство Элантии». Ее желудок сделал небольшое сальто.

Мужчина смотрел прямо на нее.

Когда девушка выпрямилась и направилась к своему месту на краю сцены, она изо всех сил старалась унять учащенное сердцебиение. С каждым шагом Лань чувствовала, как взгляд незнакомца следует за ней. И этот взгляд... в нем не отражалось ни голода, ни подлости, как у элантйских солдат, что смотрели на певичек, будто те были куском мяса. Вместо этого в его глазах было что-то... оценивающее.

Лань переключила свое внимание на других девушек, которые уже собрались на краю сцены: Вэнь с поднесенной к

губам бамбуковой трубкой; Нин с пятиструнной цитрой на коленях; и Жуй с грушевидной лютней, прислоненной к плечу.

Как только прозвучала первая нота, весь остальной мир – запахи чая, яркие букеты пионов на столах, мерцающие ширмы из золота и бамбука на стенах, ерзающие на своих местах посетители, – померк.

Лань запела.

Мелодия, плавно вытекающая из нее, словно во сне, казалась теплой на губах. Комната вокруг нее исчезла, ее сменило яркое и четкое изображение. Сегодня вечером она видела сумеречное небо, напоминающее мандарин солнце, задержавшееся на краю света. Его сияние освещало лес, полный золотистых лиственниц. Женщина прислонилась к арке лунных врат. Ее пальцы танцевали над струнами деревянной лютни, и в воздухе разливалась песня.

Мама.

Каждый раз, когда Лань пела, ей казалось, что ее мать снова жива. Эхо ее души шевелилось в сердце девушки, направляя ее.

«Баллада о Последнем царстве» повествовала о четырех Богах-Демонах, которые упали с неба в мир смертных. Там, с помощью своих великих и ужасных сил, они стали правителями, которым поклонялись и которых боялись хины... и, как говорилось, однажды они одолжили свою силу великим воинам, чтобы изменить течение судьбы.

Почти сто циклов назад Боги-Демоны исчезли. Сама же баллада была написана древними поэтами-шаманами около тысячи циклов назад. Разрозненные стихи, традиционный стиль прозы, были прекрасны на языке хинов настолько, что, по мнению Лань, звучали сносно даже после перевода на элантыйский.

*Давным-давно Небеса раскололись
Их осколки, подобно слезинкам, упали на землю
Частичка солнца восстала Алым Фениксом
Кусочек луны превратился в Серебряного Дракона
Осколок звезд обратился Лазурным Тигром
Обломок ночи стал Черной Черепахой*

Так начиналась печальная народная сказка о павшей земле, что покинули боги. Элантыйцы знали эту историю. В их глазах она служила прекрасным напоминанием о том, что именно они решили судьбу Последнего царства.

Певицы кружились на сцене, сливаясь с вихрем шелков и сверкающих в свете фонарей драгоценностей, сплетая историю своей земли, своего народа.

Лань открыла глаза, только когда последняя нота баллады растаяла как снег. Мягкий красный свет фонарей погрузил чайный домик в приглушенную тишину. Посетители замерли, как статуи, и не шевелились, даже когда девушки присели, выполнив последнее движение своего танца.

Лань облизнула губы, позволив тишине растянуться еще

на несколько мгновений, прежде чем присесть в реверансе.

А потом произошло нечто чрезвычайно странное.

Из тишины послышались резкие, безошибочно узнаваемые хлопки.

Точно так же, как хозяин не хлопал своей собаке, исполняющей команды, жители Элантии никогда не хлопали выступлениям в чайном домике. Среди посетителей поднялся ропот, когда они посмотрели на источник шума. Певички зашевелились, слащавые улыбки на их лицах сменились удивлением.

В первом ряду стоял мужчина, снова и снова медленно хлопающий в ладоши.

Лань посмотрела на него. Их взгляды встретились, и кровь застыла в жилах девушки. Зеленые, напоминающие о лете глаза, лицо с кожей цвета мрамора, улыбка, которая по мере того как менялось выражение ее лица, становилась только шире.

Это был элантйский солдат, которого Лань видела в лавке старика Вэя.

– Браво! – крикнул мужчина. Из его уст это звучало как насмешка. – Я возьму одну из них на ночь, Госпожа!

Двое пришедших с ним солдат вынудили мужчину сесть на место. Среди элантйских посетителей раздался взрыв хохота, и они снова повернулись лицом к сцене. Сделай что-то подобное хин, его бы обезглавили за такую дерзость, но пьяный дебош элантйского солдата в праздничную ночь только

поднял всем настроение.

Пульс Лань участился. Девушка слышала, как Ангел звал ее, когда она последовала за другими певицами со сцены. Лань точно знала – он и не думал шутить. Паника затуманила ее разум, мир стал приглушенным, а разговор девушек звучал как будто бы издалека.

На кухнях царило оживление, певички брали подготовленные для них подносы с чаем и закусками, которые следовало отнести клиентам. Лань, едва осознавая, что делает, насыпала на свой поднос семечки и сушеные красные финики. Кухня вокруг внезапно сменилась магазином старика Вэя. Полки и шкафы удерживали ее на месте, она чувствовала прикосновение твердых пальцев на коже. Взгляд зеленых, словно трава, глаз, блуждающий по ее телу, будто она принадлежала ему. Горячее дыхание, что обдало щеки, когда солдат приблизил к ней свое высеченное из мрамора лицо.

«Не переживай, мой маленький цветок. Я не отпущу тебя так легко».

Тошнота подкатила к горлу, когда она подумала о том, как совсем недавно обсуждала с Ин комнату цветков персика. Солдаты, как известно, не были богаты, так что контракт певицы вряд ли оказался бы им по карману.

Они, разве что, могли позволить себе одну ночь.

А значит...

У Лань так сильно задрожали руки, что она выронила нож для масла.

– Лань! С тобой все в порядке? – Она едва могла говорить, когда Ин наклонилась, чтобы поднять упавший нож. При одном взгляде на лицо подруги улыбка Ин померкла. – Лань?

Лань посмотрела Ин прямо в лицо. Неужели еще совсем недавно они дразнили друг друга по поводу женихов и будущего?

Теперь Лань видела в своем будущем только прикосновение бледных пальцев к ее запястьям и блеск зеленых глаз так близко от ее лица.

«Помоги мне», – хотела сказать она, но слова отказывались срываться с губ. Даже попроси она, что Ин могла сделать? Сердце ее подруги было мягким и хрупким как пион. Сказать Ин, что Лань, возможно, находится в шаге от того, чтобы быть проданной как скот, после чего ее, скорее всего, выбросят на улицу, значило разбить ей сердце.

Мама говорила Лань, что, став взрослой, она будет защищать тех, кто в ней нуждается.

Лань заставила себя улыбнуться.

– Я в порядке. – На вкус слова были как разбитый фарфор.

Ин задержала взгляд на лице Лань еще на мгновение и приоткрыла рот, так что следующие несколько секунд Лань пыталась предугадать, что скажет ее подруга.

В этот момент из-за шкафа выскочил повар Ли.

– О чем вы двое здесь болтаете? – требовательно спросил он, выкладывая пирожные с семенами лотоса на поднос. – Это один из самых оживленных вечеров, так что вам нужно

обслуживать посетителей. Давайте же, выметайтесь! Вон!

Ин схватила свой поднос, бросила на Лань беспомощный взгляд и бросилась прочь.

Поднос в руках Лань будто бы налился свинцом. Когда она вышла в парадную часть чайного домика, до нее донеслись звуки разговоров, смеха и звяканья тарелок. Слабый свет фонарей, казалось, покрыл комнату кровавым туманом.

Ясное осознание, словно лезвие, прервало вереницу мыслей Лань. Если после сегодняшнего вечера ее выставят вон, то с таким же успехом она могла бы сбежать прямо сейчас. Зачем ждать, пока элантйский солдат наиграется с ней? Зачем ждать, пока Госпожа Мэн побьет ее и выбросит в какую-нибудь канаву, как лисицу с обочины, за которую и принимала ее с самого начала?

Сердце Лань заколотилось, когда она осознала, какой выбор намерена сделать. Однажды она уже сбежала, когда ее дом был завоеван, а мир развалился на части. Тогда она выжила.

Значит, могла бы выжить еще раз.

Чайный домик, его запахи, шум, окружающая обстановка, казалось, снова стали осязаемыми вокруг нее. Лань видела, как другие певички петляли между дорогими лакированными столами. Она заметила Ин. Та скромно стояла в стороне, пока группа элантйских аристократов в плащах и со сверкающими драгоценными камнями на пальцах громко над чем-то смеялась. Ее подруга неуверенно топталась на месте. Ко-

гда она попыталась подать чай одному из мужчин, тот обвинил рукой ее талию.

Лань почувствовала ком в горле. Несправедливо... Несправедливо, что последний раз она вынуждена видеть Ин, которую любила, с которой провела большую часть своей жизни, именно такой. Возможно, они никогда больше друг друга не увидят, а последними их словами станут... что они вообще там друг другу сказали?

– Пусть четыре бога хранят тебя, – прошептала Лань. Отвернувшись от единственного человека, которого она считала своей семьей, Лань не могла ничего сделать, кроме как молиться о том, что где-то боги все же существовали и могли присмотреть за Ин.

Девушка начала пробираться к дверям, улыбаясь посетителям и уворачиваясь от их шаловливых рук.

«Успокойся», – мысленно приказала она себе. Через десять секунд все закончится. А может, и раньше.

Она уже видела двери чайного домика, через которые проглядывала черная, как чаша свежемолотых чернил, ночь. Надежда билась в такт ее сердца – надежда, страх и прилив адреналина от осознания того, что впервые за долгое время она сама сделала выбор.

В этот момент Лань заметила две фигуры, стоящие перед плетеными ширмами.

Лицо Госпожи Мэн украшала ее самая очаровательная улыбка, демонстрировавшая все жемчужные зубы, что име-

лись у нее во рту. Зубы, оплаченные кровью, потом и слезами работающих на нее девушек. Хозяйка чайного домика рассмеялась, и эти зубы сверкнули так, что Лань захотела их вырвать.

Напротив Госпожи, улыбаясь, как хищник, сидел элантийский Ангел с зелеными глазами. Доннарон. Даже несмотря на царящую между ними беседу, его ядовитые глаза, как щелчок змеиного языка, переместились на нее.

Солдат выпрямился. Поднял руку и указал.

Прямо на нее.

План Лань трещал по швам.

Паника захлестнула девушку. Она резко отвернулась. В ушах зажужжало, а зрение затуманилось. Она не осознавала, что делает и куда направляется, только бы оказаться подальше от Доннарона.

Перед самым столкновением Лань только успела заметить, что врезалась в кого-то высокого и темноволосого.

*Мир твоей душе,
Надеюсь, ты найдешь Путь домой.
Из погребальных обрядов Хин*

– Прошу прощения. – Чья-то рука в черной перчатке метнулась к ее талии, чтобы поддержать, другая ухватилась за край подноса, прежде чем тот опрокинулся и содержимое с грохотом посыпалось на пол. – Я не хотел вас напугать.

Некто, с голосом, прекрасным и глубоким, как бархатная полночь, говорил с ней на почти идеальном элантийском.

Лань моргнула, когда ее поставили на ноги, а поднос снова оказался в ее руках. Спаситель девушки поспешно, словно убывающая тень, отступил, и именно тогда она увидела его лицо.

Перед ней предстал тот самый парень, которого она заметила раньше. Тот, что смотрел на нее. Незнакомец, выглядевший совершенно неуместно среди сверкающих лакированных панелей и красных ширм, украшавших стены чайного домика, учтиво стоял в двух шагах от нее.

Оказавшись так близко, Лань поняла, что парень с гладкой кожей и черными волосами достаточно молод. Возможно, всего на цикл или два старше ее. Он был настолько красив, что казалось, будто бы он сошел с картины.

– Я... – она оглянулась, слишком взволнованная, чтобы заботиться о правилах приличия. Госпожа Мэн смеялась, откинув голову назад. Она потерла пальцами воздух – знак, который, как Лань научилась распознавать, обозначал обсуждение цены. У нее в запасе оставалось не больше нескольких минут. – Извините, я... простите меня...

– Одну минуту. Прошу вас. – Легким движением он поймал ее правое запястье, совсем не сжимая и очерчивая что-то, напоминающее вопросительный знак. Ничего общего с хваткой элантйского солдата. – Я хотел бы с вами поговорить.

В любом другом случае она была бы польщена: никому из элантйцев даже в голову не пришло бы просить девушку из племени хин поговорить с ними. Обычно они просто приказывали. И ждали, что им подчинятся.

Судьба послала этого парня к ней именно в ту ночь, когда ее жизни суждено было измениться.

– Извините, – сказала Лань, – но я как раз собиралась...

И тогда хин сунул руку в складки своего плаща и вытащил порванный, пыльный и очень знакомый кусок пергамента.

Остальной мир исчез, когда Лань разглядела Богов-Демонов в углах свитка и верхнюю часть изогнутого иероглифа, который она изучала всего несколько перезвонов назад. Девушка моргнула, затем посмотрела на своего собеседника. Теперь она была полностью сосредоточена на нем.

Выражение его лица было внимательным, бесстрастным,

но глаза... Они, казалось, проникали в ее разум, постепенно разгадывая каждую из хранящихся там мыслей. Несмотря на это, в этих глазах читался намек на удивление, смешанный со смущением, словно он обнаружил в ней что-то неожиданное.

– Что вам известно об этом свитке?

У нее не было ни времени, ни терпения для любезностей и словесных игр.

– Откуда он у вас?

Парень все еще наблюдал за ней вызывающими тревогу глазами. В ответ Лань почувствовала, как что-то шевельнулось у нее в животе, что-то глубокое и древнее... За этим последовало внезапное покалывание на левом запястье, прямо там, где был ее шрам.

– Кто вы? – спросил он. Его вопрос был слишком общим и таким неожиданным, что Лань почувствовала, как из ее горла вырывается испуганный смех. Она взглянула на дверь. Госпожа Мэн все еще вела беседу с солдатом, но смотрела прямо на Лань. Ее алые губы изогнулись в улыбке, но глаза оставались холодными, когда она подняла руку и поманила ее острым золотым когтем.

Подойди.

Лань снова повернулась к хину, ее мозг лихорадочно работал. Новый план сформировался в долю секунды.

– Я могу рассказать вам все, что знаю, – сказала она сладким, заискивающим голосом. – Вам только нужно сказать Госпоже, что сегодняшний вечер вы хотели бы провести в

моей компании.

На щеках парня выступил румянец. Он слегка прищурился, будто в чем-то подозревая девушку.

– Я не намерен совершать столь предосудительный поступок, – сказал хин.

Его слова едва ли задели Лань.

– Пожалуйста, господин.

– Господин? – Он приподнял бровь.

– Гэгэ. Старший брат. – Лань изобразила свою самую слащавую улыбку. – У вас же есть деньги. Вы могли бы выкупить мой контракт. Обещаю рассказать вам все, что знаю об этом свитке. – Не то чтобы она много знала, но Лань, очевидно, не собиралась в этом признаваться.

Резкое выражение лица хина немного смягчилось. Он открыл рот, и на мгновение Лань подумала, что он готов согласиться, когда незнакомец произнес:

– Прошу прощения, но для такого у меня недостаточно средств. – Он постучал пальцем по свитку. – Будьте добры, расскажите мне, какие дела связывали вас с Вэем.

– Со стариной Вэем? – Его имя сорвалось с ее губ. – Я... я просто была с ним знакома.

Она снова посмотрела на дверь. Улыбка Госпожи Мэн исчезла; теперь, когда в ее изящных жестах была заметна агрессия, взгляд хозяйки чайного домика был достаточно острым, чтобы о него порезаться.

Незнакомец наблюдал за Лань.

– Я должен был встретиться с Вэем, – сказал он наконец, и посреди растущей паники Лань внезапно кое-что вспомнила.

«Думаю, в следующий раз мне удастся найти для тебя что-нибудь действительно стоящее, – сказал ей по секрету старина Вэй, ухмыляясь беззубым ртом. – Мой источник познакомил меня с одним придворным. Он ищет на рынке...»

Это... был тот самый придворный пес, о котором говорил старик Вэй?

Следующие слова незнакомца поразили Лань как удар под дых.

– Он мертв.

Она резко выдохнула, как если бы ее действительно ударили.

– Он... – она не могла заставить себя произнести это.

– Его магазин был разграблен. Большая часть того, что оставалось внутри, уничтожена. К тому времени, как я туда добрался, он был уже мертв. – Взгляд парня был острым как лезвие. – Если вы как-то вовлечены в случившееся, лучше скажите сразу. Я все равно докопаюсь до сути.

Она едва слышала его. Разум Лань все еще крутился вокруг того факта, что старина Вэй был... был...

Тут она вспомнила про серебряную ложку, и все стало ясно. Белые Ангелы, которые вошли в лавку старика Вэя. Ложка была единственной вещью, которая могла бы привлечь их внимание. В эти беспокойные дни каждому хину было из-

вестно, к каким последствиям может привести владение любым значительным количеством металла – особенно таким драгоценным, как серебро.

Старина Вэй. Лань закрыла глаза, ее горло сжалось до такой степени, что она едва могла дышать. Он умер, потому что... потому что она думала, что, подарив дурацкую серебряную ложку, решит часть его проблем. Оплатит достаточное количество женыня, чтобы вылечить его кашель.

Придворный пес наклонился, пригвоздив ее к месту пристальным взглядом.

– Если вам что-то известно, я бы посоветовал сказать мне об этом прямо сейчас.

С другого конца комнаты к ним направлялась Госпожа Мэн.

Она скользила между столами, как надвигающийся шторм, в развевающихся складках ее прекрасного шелкового ципао колыхался гнев. Оставшийся у плетеных ширм Дон-нарон поймал взгляд Лань, подмигнул ей и сделал медленный непристойный жест.

Девушка снова повернулась к придворному псу. Если этот человек работал на элантийцев, признаться в том, что она находилась со стариком Вэем в одном месте, значило приблизиться к петле. Они могли узнать, что изначально серебряная ложка принадлежала ей. Хуже того, они могли узнать, что она искала свиток.

Сглотнув, Лань встретила с парнем взглядом... Несмот-

ря на то что девушка почти не знала этого человека, у нее возникло странное, инстинктивное чувство, что он здесь не для того, чтобы причинить ей боль.

«Помоги мне», – хотела она взмолиться.

Лань уже открыла рот.

– Вот ты где, моя маленькая певица, – прозвучал у нее над ухом голос Госпожи Мэн, и внезапно плечи Лань оказались зажаты в тиски. Госпожа встала рядом с Лань и пробежала по телу придворного пса взглядом, предназначенным определить, достоин ли он ее внимания или нет. Очевидно, увиденное пришлось Госпоже Мэн по вкусу. – Боже, Лань, да ты сегодня нарасхват! Надеюсь, она скрашивает ваш досуг, господин?

Что-то похожее на отвращение промелькнуло на лице придворного пса, но исчезло через мгновение, когда он склонил перед Госпожой Мэн голову. Свиток исчез.

– Общаться с ней одно удовольствие, Госпожа.

– Замечательно. – Госпожа резко повернула Лань к себе, ее глаза блестели от новой возможности получить прибыль. – У меня для тебя отличные новости, моя дорогая. Идем, идем же.

Не дожидаясь ответа Лань, она, впившись ногтями в девушку, потянула ее прочь.

Лань оглянулась.

Придворный пес стоял как вкопанный, просто смотря на нее. Их глаза встретились, и девушка почувствовала, как

между ними что-то промелькнуло. Мужчина нахмурился, приоткрыл рот. Непроизнесенные слова увеличивали разделяющее их пространство.

И в конце концов придворный пес просто отвернулся.

Лань молча отвела взгляд. Было опасно устраивать сцену перед всеми этими элантийцами, которые могли заявить, что она испортила им праздник, и приказать убить ее за предательство Элантийской империи. Так что Лань позволила Госпоже проводить ее до лестничного пролета второго этажа.

Здесь было тихо и пусто.

Она подождала, пока они не свернули в коридор, а затем вырвалась из хватки хозяйки чайного домика. Предметы на ее подносе со звоном заскользили.

Лань подняла взгляд на Госпожу и перевела дыхание.

– Я не пойду.

Госпожа Мэн больше не улыбалась.

– Что ты сказала?

Лань еще никогда не слышала, чтобы ее голос был таким мягким.

– Я сказала, что не...

БАМ.

Мир на мгновение померк, сосредоточившись в обжигающей полосе жара, пробежавшей по ее щеке. Лань пошатнулась, едва сумев сохранить равновесие. Ее лицо покалывало; она почувствовала, как теплая струйка стекает по подбородку.

ку, во рту появился привкус меди.

Госпожа схватила ее за подбородок так крепко, что стало больно.

– Думаешь, что у тебя есть выбор? – зашипела она. От приторного аромата ее духов с розами у Лань перехватило горло. – Ангел купил твой контракт на эту ночь. Теперь ты принадлежишь ему. Если скажет встать на колени, встанешь. Если скажет ползти, поползешь. Поняла?

Лань едва осознавала происходящее, когда Госпожа открыла пару деревянных дверей и втолкнула ее в комнату. Хозяйка чайного домика достала шелковый носовой платок и вытерла кровь с лица девушки.

– Вот так, – пробормотала она, выпрямляясь и проводя холодным пальцем по подбородку Лань. – Не могу допустить, чтобы ты выглядела как сломанная кукла. Подожди здесь, пока я приведу его. А если попытаешься что-нибудь учинить... Что ж, – холодно ухмыльнулась мадам. – Я позволю Ангелу решать, что с этим делать.

Она выхватила из рук Лань поднос, поставила его на маленький чайный столик у стены и вышла. Деревянные двери со стуком захлопнулись, оставив Лань запертой внутри.

За многие годы работы в чайном домике она заходила в комнаты на верхних этажах только для уборки. Лань хорошо помнила гладкие полы из сандалового дерева, украшающие стены лакированные панели с изображением цветущих деревьев. Розовые лепестки, дождем сыпавшиеся на сидевших

у озера влюбленных.

Лань ненавидела полировать эти панели, обводить гравировку, каждое углубление проклятых лепестков.

Вспышка света возле двери привлекла ее внимание. То был поднос, который Госпожа Мэн поставила на маленький круглый столик. Чай уже остыл, но Лань смотрела не на чайник.

На краю подноса, рядом с тарелкой с булочками, лежал стеклянный нож для масла, о который она совсем недавно едва не порезала руку. Этот нож Ин подняла и положила обратно на поднос. Он подмигнул ей в свете слабо горящего алхимического фонаря.

В коридоре слышались шаги: медленные и тяжелые, с глухим стуком, который являлся фирменным знаком толстых кожаных сапог элантйского производства.

Лань не задумываясь пересекла комнату. Нож в ее руке был холодным и гладким, способным разрезать только масло и что-то настолько же мягкое, но это не имело значения. Такой нож лучше, чем вообще никакого.

Взгляд Лань метался по комнате, оценивая каждый ее уголок – алый диванчик для двоих, столик с алтарем, закрытые стеклянные окна, смотрящие на черную, непроглядную ночь.

В конце концов девушка, спрятав нож в рукаве, остановилась в центре комнаты. Что бы ни ждало ее, она встретится с этим лицом к лицу.

Шаги замерли прямо за деревянными дверями, прежде чем кто-то раздвинул их в стороны. На пороге стоял ухмыляющийся солдат. Он снял громоздкие металлические доспехи, в которых Лань видела его раньше, и теперь был облачен в серебряный дублет, отделанный тонкой синей строчкой, которая завершалась изображенной на груди и спине эмблемой из короны и крыльев.

В элантйских церквях и местах поклонения Ангелы изображались добрыми и непорочными. Согласно историям элантйских проповедников, они должны были спасать бедных и побеждать зло. Лань попыталась представить себе далекую, раскинувшуюся за морем небесного сияния Элантйскую империю.

«Если бы ангелы действительно существовали, – подумала девушка, – пришли бы они в ужас от того, что человек, прикрываясь их именем, смог так сильно исказить их образ, превратив их красоту во что-то столь жестокое и порочное? Или красота ангелов изначально была порождена жестокостью?»

– Ну, моя дорогая, – сказал Доннарон, заискивающие элантйские слова соскальзывали с его языка. – Я ведь обещал, что найду тебя, помнишь?

Сердце Лань билось подобно птице, запертой в клетке. Ладонь, сжимающая нож для масла, стала скользкой.

– Доннарон Джей Тарли, – продолжил солдат с притворным поклоном. – Генерал Доннарон Джей Тарли. Должен

сказать, я по достоинству оценил то, что за тобой пришлось побегать. Мне не нравятся женщины, которых легко получить.

– Держу пари, тебе также не нравятся женщины, которые говорят «нет». – Слова, плавные и резкие, если не брать в расчет акцент, каким-то образом слетели с губ Лань. Вот он, один из моментов, который определит ее дальнейшую судьбу. Она больше не будет бояться или умолять.

Ангел весело усмехнулся.

– О, отказ делает все намного более захватывающим, – заметил он, прежде чем броситься к ней.

Лань ожидала этого и пригнулась. Споткнувшись, она развернулась и вскинула руку. Блеснул нож...

Солдат поднял одну из своих мясистых ладоней, обхватил запястье девушки и вывернул его. Вспышка ослепляющей боли пронзила предплечье Лань. Ее пальцы дернулись, и нож, медленно и неуклонно, крутанувшись в воздухе, полетел вниз.

И с грохотом упал к ногам Лань.

Доннарон вцепился ей в горло; он приподнял девушку так, что она могла коснуться пола только кончиками пальцев на ногах. Прядь золотистых волос упала солдату на глаза.

Лань не могла дышать.

Он смеялся:

– Не могу дождаться, чтобы рассказать об этом сослуживцам. Нож для масла! Я уже подумываю, не оставить ли тебя

себе, с такой-то силой духа.

Он впечатал ее в стену, и перед глазами Лань заплясали звезды. Она смутно почувствовала, как он прижался к ней бедрами. Его руки скользнули от ее шеи к ключицам и продолжили опускаться ниже. Между лбом и зубами Лань нарастала боль – странный вид энергии, отличающийся от лубой мигрени, которую она когда-либо испытывала. Воздух загудел... Она чувствовала подобное только один раз.

В этот момент Доннарон надавил правой рукой на ее левое предплечье, за этим последовал новый взрыв боли.

Это было мучительно: обжигающий белый свет охватил весь ее мир и разрастался, как сияние звезд или свет бледной нефритовой луны. Из этой белизны поднялась огромная, похожая на извивающуюся змею тень. Что-то одновременно вырвалось и наполнило ее, и сознание Лань затуманилось.

Такую боль девушка испытывала только один раз в жизни. В тот день, когда умерла ее мать.

В день, когда ее мир рухнул.

Это был день зимнего солнцестояния тридцать второго цикла династии Цин – так называлась Эпоха чистоты, прежде чем все было разрушено. Император – Светящийся Дракон Шо Лун взшел на трон спустя восемьдесят циклов после Восстания Кланов, когда его предок, император Янь Лун, победил противящиеся ему кланы и установил мир на земле, превратив Срединное царство в Последнее. После успеха Нефритовой тропы хины жили в роскоши, и толсте-

ющие животы интересовали их больше, чем изменения, которые происходили в истории государства благодаря новому императору. В истории, которую с течением времени многие забыли.

Лань была ясноглазой шестилетней девочкой, и впереди у нее была вся жизнь. Последние две луны ее мать была в отъезде. Она направилась на север, в Небесную столицу Тяньцзинь, судя по всему, улаживать ссоры с иностранными торговцами, возникшие из-за кораблей и территорий. Последнее царство удобно расположилось среди своих соседей на Нефритовом пути, будучи опорой для иностранных держав: королевства Масирия, которое торговало стеклом, великой, раскинувшейся в пустыне империи Ахеменидов и так далее. Но контакт с нацией, проживающей по ту сторону моря Небесного сияния, которое, как раньше полагали, вело на край света, был в новинку. Мама вернулась и привезла с собой истории о людях с лицами цвета снега и волосами, которые, казалось, были сотканы из золота и меди. Они появились на горизонте, корабли из сверкающего металла, каким-то невероятным образом несущиеся по волнам океана. Мама называла их «Иланыпажэнь». Элантйский народ. Их интересовали природные ресурсы, которыми обладали огромная территория Последнего царства и насчитывавшая тысячи циклов цивилизация Хин. В обмен на свои странные металлические изобретения элантйцы попросили установить с Последним царством торговые отношения и попы-

тались перенять царящую при императорском дворе культуру Хин. И Светящийся император, столь уверенный в величии своего царства, с радушием принял гостей.

Лань вспомнила тот самый момент, когда она подняла взгляд от своих сонетов, вспомнила, как окно кабинета обрамляло идеальный внутренний дворик: застывшие в снежных покровах лиственницы и ивы, озера, все еще покрытые льдом, таким голубым, что в нем отражалось небо, выступ серых черепичных крыш ее дома, изгибающийся к небесам. Скачущая верхом на лошади фигура прорезала шлейф на снегу, что падал как гусиные перья. Одевание всадника вспыхивало черными и красными цветами, пока он стремительно пробирался вперед. Лань подумала о героях рассказов, что она читала: бессмертных и практиках, которые пересекали озера и реки Последнего царства и общались с древними богами.

И все же сегодняшнему дню не было суждено стать радужным.

По пятам за ее матерью следовал конец того мира, который они знали.

Позже Лань, спрятавшись в отверстиях для горячей воды под полом комнаты для занятий, дрожала от страха. Ставший красным снег был усыпан телами прислуги, как поле маками. Иностранные солдаты в голубых, как лед, доспехах напирали на ворота, врывались во двор. Сапоги из толстой кожи топтали снег, а на груди их сверкали окружающие ко-

рону крылья из белого золота. Лань слышала, как они кричали на иностранном языке. Слышала лязг мечей, вынимаемых из ножен.

В то время она еще не понимала, что это было началом Элантйского завоевания.

Желчь подступила к горлу; страх сдавил грудь. Она посмотрела сквозь щели в половицах и увидела свою мать в позе, которую она часто принимала, – такой же прямой и гордой, как у любого служащего в Императорском дворце мужчины. В тот момент Лань ожидала, что ее мать сделает нечто невозможное, удивительное. Например, выхватит меч и убьет этих странных мужчин, что посмели ворваться в их дом.

Девочка совсем не думала, что ее мать спокойно возьмет деревянную лютню и начнет играть.

Когда в воздухе раздался первый перезвон струн, время, казалось, замерло. Эти ноты служили увертюрой⁷, тягучей, таившей в себе обещание. То было только начало песни.

Вокруг похолодало.

Еще три ноты. *До-до-соль*. Последняя, как пик напряжения, искусно закручена до полноты вверх. За все годы, что мать играла ей перед сном, Лань никогда не слышала эту мелодию. Ноты были отрывистыми как острое клинка, они ко-

---

⁷ Увертюра – развернутая пьеса, инструментальное вступление к театральному спектаклю, чаще музыкальному, но иногда и к драматическому, а также к вокально-инструментальным произведениям – кантатам и ораториям или к инструментальным пьесам сюитного типа.

лебались в воздухе с постепенно затихающим звоном. В этой песне было нечто особенное; она прокатилась, как невидимая волна, всколыхнув внутри Лань то, что до этого дремало.

Иностранные солдаты что-то прорычали. Серебряный меч описал дугу.

Внезапно песня ее матери превратилась в бречение. Воздух вибрировал. Лань могла видеть рассекающие воздух ноты, острые, как нож, и изогнутые, как косы.

А потом произошла самая невероятная вещь.

Металлический нагрудник солдата раскололся. Из центра эмблемы брызнула кровь, крылья стали красными.

Солдат отшатнулся. Половицы заслонили Лань обзор, так что она смогла увидеть только то, как ее мать взяла еще один аккорд.

На этот раз что-то с глухим стуком рухнуло на пол.

Другой солдат, не больше, чем серебряное пятно через трещину в половице, закричал и бросился в атаку. Прогрелась музыка. Кровь, подобно музыкальным нотам, растеклась по линиям половиц.

Лань застыла, ее реальность раскололась между тем, что она могла видеть, и тем, чего она видеть не могла. Ее мать, играющая на лютне. И кровь, алая, как киноварь⁸, брызжащая на стену, как ноты красной, красной песни.

В следующее мгновение тень рухнула. Ход битвы изме-

---

⁸ Киноварь – минерал, сульфид ртути (II). Самый распространенный ртутный минерал, имеющий алую окраску и на свежем сколе напоминающий пятна крови.

нился.

Лань почувствовала это в силе, волнами прокатившейся по солдатам. Подобно волнам океана они расступились. В комнату вошел мужчина, и девочка сразу поняла, что он отличается от остальных. В его глазах плясала зимняя синева, а кожа напоминала лед. Мужчина был безоружен, но когда он поднял руку, на его запястьях блеснуло серебро.

– Отдай его мне.

Тогда Лань не поняла слов – только звуки, срывавшиеся с губ мужчины. Эти звуки, совершенно нетронутые, отдавались эхом в ее памяти на протяжении долгих ночей всех последующих циклов. Она хранила их до тех пор, пока не начала понимать элантйский язык достаточно, чтобы расшифровать последние слова мужчины, что убил ее мать.

Однако от слов матери девочку охватил ужас.

– Никогда.

Лань не могла забыть улыбку, застывшую на лице элантйского солдата, когда он соединил пальцы.

Щелк.

Струны деревянной лютни лопнули. То был звук ломающихся костей.

Щелк.

Вот так просто ее мать отбросило назад. Когда Лань моргнула, руки мужчины уже были окрашены кровью. Между его пальцами, как какой-то кошмарный драгоценный камень, было зажато все еще бьющееся сердце.

Циклы спустя Лань пожалела, что тогда моргнула. В течение одного взмаха ресниц элантйский мужчина совершил невозможное. Кто знает, не моргни она, может, ее мать была бы все еще жива.

«Маг, – подумала оцепеневшая Лань. – Маг, который принес с собой зиму».

Ее мать рухнула на пол прямо над тем местом, где пряталась Лань. Девочка почувствовала вкус крови на губах. Теплый, пахнущий медью и настолько бесспорно человеческий. Герои из ее рассказов никогда не истекали кровью.

Она открыла рот, чтобы закричать, но ее мать внезапно шевельнулась, сделала жест рукой, и Лань обнаружила, что ее горло сжато. Крик так и застрял у нее в груди. Глаза ее матери, широко раскрытые, встретились с глазами дочери.

Было ли это волшебством или просто силой женщины, которую не отпускало неоконченное дело, но в тот день ее матери потребовалось много-много времени, чтобы умереть. Когда Лань выползла из своего укрытия, Зимний Маг и солдаты ушли, оставив за собой только след из криков и крови. В воздухе витал безошибочно узнаваемый запах горелого металла.

В затылке Лань нарастало гудящее давление, словно что-то внутри было поймано в ловушку и ждало, когда его выпустят. Слезы текли по щекам девочки, пока она ползла по деревянному полу туда, где лежала ее умирающая мать. Из последних сил цепляясь за этот мир, женщина дрожащими

пальцами взяла Лань за руку.

В этот момент, когда мать повернулась к ней, глаза ее были ярче всех серебряных звезд в ночи. Глаза, которые *сияли*.

Она прижала палец к внутренней стороне левого запястья Лань, и мир девочки взорвался ослепительной белой вспышкой.

Постепенно свет угас. Мир снова стал прежним: лакированные панели чайного домика, алый диванчик для двоих, приглушенный шум за окнами. Тупая, пульсирующая головная боль, жужжание в ушах и вкус желчи и чего-то похожего на металл на языке.

Распростертый на чистом полу из сандалового дерева между ней и диванчиком лежал труп генерала Доннарона Дж. Тарли.

*Ложь во благо может погубить целые царства.
Генерал Ешин Норо Сургэнъ из клана Джошеновой
Стали, «Классика войны»*

Лань была уверена, что закричит, но она только молча смотрела на тело. Девушка смотрела на него так, будто если она будет смотреть на него достаточно пристально, он сможет ожить.

Точно так же, как ее мать, возможно, не умерла бы, если бы она не моргнула в тот день. Лань слышала биение собственного сердца, резкий приступ смеха госпожи Мэн доносился до нее сквозь половицы, и на девушку обрушилась реальность положения, в котором она оказалась. Она посмотрела на труп, по-настоящему посмотрела, отметив неестественный изгиб шеи, все еще открытые глаза и изогнутый в ухмылке рот. Стороннему наблюдателю могло показаться, что он просто неудачно упал.

Несчастный случай, что произошел во время игр в постели. Как глупо. Причиной смерти элантийского Ангела, найденного в компании хина, могло стать только одно. Отправят ли ее на виселицу? Ждет ли ее публичная казнь? Или же мучительная смерть от рук одного из магов?

Поток мрачных мыслей прервали шаги в коридоре, тихие,

как поскрипывание ветра в старых стенах чайного домика.

Преодолев оцепенение, Лань схватила нож для масла, который все еще лежал на полу у ее ног. Шаги приближались. Было слишком поздно прятать тело, она должна... должна...

Взгляд Лань остановился на алом диванчике в нескольких шагах от нее. Девушка бросилась к трупу и, протаскивая его, как мешок с рисом, без всякого намека на тактичность принялась запихивать под диван конечности, голову и все остальное. Дав вытянувшейся руке солдата хорошего пинка, девушка выпрямилась.

К тому времени, как деревянные двери распахнулись, она была готова.

– Если не собираетесь удивить меня выпечкой, можете отложить этот нож для масла.

Лань застыла. Она узнала этот голос – насыщенный и темный, со всеми оттенками дымчатого ночного неба.

Тот же хин, с которым она разговаривала ранее, за два аккуратных щелчка своих лакированных ботинок вошел в комнату и снова закрыл дверь. Лань сразу заметила, что он снял одну из черных перчаток. Она ожидала, что кожа на его руках будет гладкой, как полированное дерево – верный признак аристократического воспитания, – но его ладонь была покрыта десятками бледных, пересекающихся и сморщенных линий.

– Ну? Не стойте же на месте. Скажите мне, где он. – В тишине комнаты его голос звучал повелительно. Так мог бы

разговаривать император.

Ей потребовалось еще мгновение, чтобы осознать: теперь он говорил с ней на хинском, идеальном, стандартном для императорского двора хинском, на котором говорили ее мать и наставники. В его речи не слышалось диалектов, распространенных в столь большом царстве.

Теперь для хинов стало нормой разговаривать друг с другом на элантийском. Те же, кому хватало смелости или желания, могли говорить на хинском в укромных уголках или за закрытыми дверями. Элантийцы ввели это как закон, чтобы «способствовать большему единству в Великой Элантийской империи», но Лань знала их истинные мотивы. Они пытались полностью уничтожить хинов, предотвратить восстания и тайные политические движения, потому что... ну, как можно уничтожить целый народ? Следует сначала отрезать его корни.

Но... почему тогда чиновник элантийского правительства разговаривал с ней на хинском?

Лань облизнула губы. Ни язык этого человека, ни его голос не имели значения. Единственное, о чем ей следовало думать – как проткнуть ножом для масла эти хриплые голосовые связки.

Молодой человек широкими шагами пересек комнату. Лань с нарастающим волнением наблюдала за тем, как он обогнул диван и присел на корточки, чтобы осмотреть наспех задвинутое туда тело со скрученными руками и ногами,

головой, прижатой к полу, и все еще открытыми глазами.

Парень повернулся к ней. Его нахмуренные брови не сулили ничего хорошего.

– Что вы наделали? – спросил он низким голосом. – Кто вы?

Они уставились друг на друга, позволив словам повиснуть между ними.

Что *она* наделала?

Лань уже открыла рот, но именно в этот момент ее желудок решил сдаться.

Лань отвернулась, и ее вырвало прямо на тщательно отполированные деревянные ширмы.

«Госпожа Мэн убьет меня за это, – была ее первая мысль, когда она выпрямилась, но за ней поспешила следующая: – Четыре бога. Я не могу с этим справиться».

– Выпейте немного воды, – услышала она слова придворного пса. Послышался звон фарфора, а затем звук льющейся жидкости. – Вы находитесь в состоянии шока. Это нормально.

Он протянул ей чашку. Не раздумывая, Лань приняла ее и осушила, чтобы избавиться от привкуса гнили во рту. Закончив, девушка заметила, что край чашки, к которому только что прикасались ее губы, окрашен в красный цвет.

Кровь.

Чиновник Хин отступил на шаг и теперь рассматривал ее пристальным взглядом, от которого жгло кожу.

– Вы можете рассказать мне, что произошло? – спросил он.

Глядя на фарфоровую чашку, зажатую между пальцами одной руки, и нож для масла в другой, Лань наконец разложила все мысли по полочкам.

Первое: она только что каким-то образом убила высокопоставленного элантийского Белого Ангела.

Второе: ее допрашивал придворный пес.

«Нужно бежать, – сказала она себе. – Сейчас же».

Лань изучала чашку в своих руках, белую глазурь и голубые узоры с изображением скачущих среди ив кроликов. Ее взгляд скользнул вверх, пока не наткнулся на поднос на столе, на котором все еще стоял чайник. Она вспомнила, каким тяжелым показался ей этот поднос, когда она впервые пришла в чайный домик. Вызов для девочки, едва перешагнувшей восьмой цикл. Госпожа Мэн била их всякий раз, когда при разливании чая у них дрожали руки. Именно из-за этого чайника Лань стала сильной, надеясь, что ее больше никогда не будут бить.

Она знала, что ей следовало сделать.

Лань подняла глаза. Хин подошел к окнам, разглядывая открывающийся вид. В слабом свете алхимического фонаря улицы были как на ладони. Он посмотрел вниз, а затем снова на нее. С открытым выражением лица парень ждал ее ответа.

Лань сунула нож для масла в шов на талии – тот, которым она пользовалась, чтобы украсть орехи и сушеные финики,

а иногда и кунжутные конфеты. Девушка начала двигаться к чайному столику, при этом повысив голос и с придыханием говоря:

– Я... Я пытаюсь вспомнить.

Ей нужно было изобразить уступчивость, покорность – все то, чего ожидали от молодой девушки.

– Он был... ну, мы были... у стены, я полагаю... – в одной руке Лань держала чашку, которую дал ей хин. Другой же она потянулась к чайнику, делая вид, что хочет налить себе еще чая. – И он... он... – Со вздохом, который вырвался из нее в самый идеальный момент, она рухнула на колени.

Придворный пес направился к ней, чтобы помочь. Он пересек комнату на удивление быстро, как тень, очерченная на фоне красного фонаря.

– Вы...

Он так и не закончил свое предложение. Лань схватила чайник за ручку и со всей силы запустила его в лицо парня.

За долю секунды до столкновения она почувствовала, как что-то изменилось.

Чайник взорвался, разлетевшись фейерверком шума, фарфора и холодного чая. Через мгновение теплые пальцы крепко сжали ее запястье. Посмотрев вниз, она увидела разбросанные повсюду осколки, красивые полы Госпожи Мэн были залиты чаем.

Лань снова подняла глаза. Лицо парня было бесстрастным, на гладких скулах не было видно и капли.

«Невозможно», – подумала девушка, рассматривая обломки, лежащие у их ног. Она даже не видела, чтобы он двигался.

Выражение лица придворного пса нельзя было назвать веселым. Все еще держа ее за руку, он сжал рот в тонкую линию.

– Если хотите сбежать, придется постараться усерднее.

– Поняла, – ответила Лань и другой рукой швырнула чашку ему в лицо.

Она не стала ждать, чтобы увидеть, что произойдет; давление на ее запястье ослабло, и к тому времени, когда девушка почувствовала острую боль, пронзившую ладонь, она уже распахивала раздвижные деревянные двери. Коридор был пуст. Лань пронеслась мимо газовых ширм и дверей из лакированного дерева. В любую секунду придворный пес мог догнать ее. Нужно было убраться как можно дальше от чайного домика...

Кровь брызнула на пол, подобно красным цветам на снегу, усеяв ее белое платье. Ровная струйка стекала по ее руке. Лань спрятала ладонь в рукав и свернула на лестницу. Перед ней открылся чайный домик – смесь элантийского синего с серебром, столов цвета черного дерева и порхающих певичек. Девушка спустилась на три ступеньки вниз, когда ее внимание привлекло какое-то движение у дверей.

Там, через плетеные ширмы, установленные между вхо-

дом и главной столовой, прошел элантйский мужчина. Вся кровь отхлынула от лица Лань. Он был с головы до пят облачен в светлые доспехи, единственными вкраплениями цвета на нем были синий плащ, подхваченный вечерним ветерком, и глаза цвета зимнего льда.

Нет. Нет, этого не может быть. Должно быть, она спала. Мужчина пошевелился, и Лань заметила блеск на его запястьях. Когда его плащ скользнул назад, Лань увидела на предплечьях мужчины ряд металлических манжет разных оттенков – серого, золотого и красного как ржавчина. Различные виды металла.

Все внутри нее замерло. Единственное слово всплыло в ее сознании.

Маг.

Госпожа Мэн, растянув губы в ослепительной улыбке, направлялась к нему. Ее глаза сияли от предвкушения получить золото, лежащее в карманах королевского мага Элантии.

Это было до того, как маг скрутил пальцы и рассек туловище хозяйки чайного домика пополам.

В этот момент время, казалось, замедлило свой ход. Лань почувствовала себя так, словно попала в ловушку воспоминаний о случившемся двенадцать циклов назад. Она снова наблюдала, как кровь стекает по одежде ее матери и пыталась соотнести образ мага, держащего живое, бьющееся сердце, с дырой в ее груди.

Это был он.

Монстр из ее кошмаров.

Зимний маг, который убил ее мать двенадцать циклов назад, стоял прямо здесь, в чайном домике. Его взгляд, с точностью стрелы, летящей по полю битвы, остановился на ней, вернув Лань к реальности.

Госпожа Мэн упала.

Кто-то закричал.

Началась паника.

Лань вцепился в балюстраду. Мозг кричал ей делать одно, а сердце – другое. Маг прокладывал путь прямо к лестнице, прямо к ней, и все же Лань скользила взглядом по столовой в поисках девушки в ярко-розовом платье.

Ин... Ин, где ты?

Она заметила лучшую подругу, присевшую у ширмы. Рядом с ней лежал разбитый поднос. Ин проследила глазами за магом, пока не наткнулась на Лань.

Их взгляды встретились. Ин потребовалось всего мгновение, чтобы понять, что происходит.

Она вскочила на ноги и побежала за элантйцем.

Мать Лань однажды сказала ей, что ее ждет великая судьба; что она будет управлять царством и защищать свой народ.

Лань вскинула руки и закричала:

– Нет! Ин, уходи!

Она дорого заплатила за свою импульсивность.

Когда королевский маг поднял руки, сверкнув металлическими браслетами, Лань закричала. У девушки возникло ощущение, будто что-то растекалось по ее венам, насквозь пронзая холодом. Это чувство было таким чуждым, таким мучительно противоречивым. Она горела. Она замерзала. Она трескалась, как фарфоровая ваза, а из трещин между всеми ее осколками просачивался обжигающий белый свет.

В следующее мгновение все с болезненной резкостью прекратилось.

Вдох, выдох. Ее ребра скрипели, а легкие набухали. Окровавленными пальцами она сжимала розовое дерево. Невыносимый жар гас, оставляя ее внутренности сырыми и покрасневшими.

– Остановись! – раздался чистый, как родник, голос, прорвавшийся сквозь туман ее боли.

Позже Лань вспоминала, как лежала на полу, а кровь заливала ей рот. Мир перевернулся с ног на голову, так что казалось, будто алхимические светильники и фонарики, свисающие с потолка, вот-вот упадут на знакомое лицо, появившееся у подножия лестницы. Лицо со сверкающими круглыми черными глазами, нежное в своей красоте и свирепое в своей любви.

Лань испытывала подобный страх только однажды. Ин шагнула вперед. У нее не было ничего; она с распущенными волосами дрожала в своем скудном наряде для выступлений. Срывающимся голосом, неуклюже коверкая элантий-

ский язык, она сказала:

– Пожалуйста, господин... Пожалуйста, оставьте ее в покое!

Зимний маг взглянул на девушку безжизненным взглядом и поднял руку. Следующие события разворачивались медленно, очень медленно.

Лань почувствовала дрожь в воздухе – невидимая энергия, почти как свист кнута, бросилась к Ин.

На теле девушки, от шеи до самого живота, появился порез. Из него полились красные слезы, стекающие по платью и собирающиеся лужицей у ног. Губы девушки приоткрылись от удивления.

Она рухнула, медленно, как последний лепесток на цветущем дереве.

Зимний маг снова повернулся к Лань.

Внезапно на нее упала тень, налетел пронизывающий до костей ветер.

Кто-то в развевающемся за спиной плаще, настоящее воплощение ночи, перешагнул через то место, где она лежала. Полночные глаза, тверже обсидиана.

Он поднял руку.

Снял свою черную перчатку.

И из кончиков его пальцев вырвался свет.

Это был придворный пес. Тот, в которого она швырнула чайную чашку.

Он так резко изменился. Если раньше его движения были

тонкими и плавными, как песня, то теперь они стали резкими, обжигающими и острыми, как меч.

Хин взмахнул руками в воздухе. Это движение напоминало позу из боевых искусств. Лань моргнула; казалось, что, пока ее разум пытался наверстать упущенное, время возобновило свой ход. В следующее мгновение пламя вырвалось из рук хина, охватив лестничную площадку и заслонив все: королевского мага, столпотворение в чайном домике и Ин... безжизненное тело Ин.

Хин повернулся к Лань, и она мельком увидела его лицо: красивое, ужасное и яростное, как штормовая ночь. Со струйкой крови. Он что-то говорил, его губы двигались быстро, настойчиво, но в голове Лань слова расплывались. Кое-что другое привлекло ее внимание.

В воздухе перед ними светился иностранный иероглиф, который *почти* можно было принять за хинское слово, но все же это было не так. Вокруг иероглифа, пылая, как огненный след, замыкался круг. Стена пламени, словно расплавленная лава, изливалась из него, облизывая пол.

Это зрелище вызвало воспоминания о падающем, как пепел, снеге, о красном бьющемся сердце, истекающем кровью под мелодию сломанной лютни. Это было нечто невероятное.

Хин помог ей встать, обняв ее талию и поддерживая за локти, а после наполовину спотыкаясь, наполовину волоча, повел ее по коридору. Мир ускользал, как если бы она выпи-

ла слишком много чашек ликера.

Они ворвались в комнату цветов персика. Парень замедлил шаг и повернул ладонь к окнам. На этот раз Лань не моргнула.

Хин выводил пальцем плавные штрихи в воздухе. Движение было элегантным и до жути похожим на то, как ее мать занималась каллиграфией. Воздух над окном покрылся рябью и замерцал. С каждым взмахом руки хина появлялись сверкающие дорожки света, и на этот раз они казались написанными на стекле. Иероглиф, если Лань не изменяла память, отличался от предыдущего.

Она наблюдала за нанесением последней черты: круг, охватывающий неизвестный ей знак. Как только конец встретился с началом, по комнате прокатилась ударная волна.

Стекло разлетелось вдребезги, а осколки, описав в воздухе дугу, посыпались вокруг них дождем.

Тогда парень повернулся, чтобы посмотреть на нее. В этот момент его глаза завладели миром Лань.

– Если хочешь жить, – тихо сказал он, – придется пойти со мной.

Если хочешь жить. Выбор, казавшийся таким очевидным, внезапно перестал быть таковым. Лань подумала о скрюченном, разорванном теле своей лучшей подруги. Услышала доносящиеся откуда-то из коридора крики втянутых в эту бойню певиц. Все они были цветами, унесенными

зимней бурей.

Хотела ли она жить? Скольких жизней стоила ее собственная?

– М-мои друзья... – Ее голос был тихим и жалким.

Мама однажды сказала ей, что, став взрослой, она будет защищать тех, кого любит.

Вместо этого она позволила им всем умереть.

Взгляд хина был жестким, непреклонным, а его хватка на ее талии крепкой.

– Ты ничего не сможешь для них сделать, – продолжил он тем же ровным, отрывистым голосом. – Они мертвы.

В коридоре послышались шаги.

Хин посмотрел на дверь позади них.

– У нас мало времени, – сказал он и решительным прыжком взобрался на подоконник. Пока они балансировали на нем, улицы внизу казались далеким потоком призрачных огней и размытого движения.

– Подожди. – Он притянул ее ближе к себе. Одной рукой придерживая ее за талию, другой он осторожно, чтобы не задеть ран от осколков фарфорового чайника, сжал ее запястье. Лань напряглась, вспомнив, как посетители чайного домика тянули к ней свои похотливые ручонки.

Прикосновение этого парня было легким и вежливым, а его пальцы – теплыми.

Краем глаза Лань увидела фигуру, появившуюся у раздвижных дверей комнаты цветов персика.

Девушка повернула голову, чтобы оглянуться. Последним, что она увидела, был таивший в себе обещание зимний взгляд королевского мага Элантии.

Он найдет ее.

И поступит с ней так же, как поступил со всеми, кого она любила.

Мир накренился, а затем они начали падать.

6

Практики, подозреваемые в использовании любой формы демонических сил, должны быть подвергнуты допросу, наказанию или смертельной казни от имени Императорского двора.

Император Цзинь

*«Второй императорский указ о Практиках», эпоха
Срединного царства*

Цзэнь не был готов к подобному.

Поначалу практика представляла собой деликатное взаимодействие между миром природы, духов и древними шаманами каждого из Девяноста девяти кланов. Объединение кланов в Первое царство и установление относительного мира и экономического процветания породили бесчисленное количество практик. Ценность образования росла, а вместе с ним возникли Сто Школ. Искусству практик обучался любой, кому повезло родиться с талантом контролировать ци, естественный поток энергий в мире. Ци существовал повсеместно, но мог быть использован лишь немногими избранными.

Но учителей и учеников Ста Школ, с их разнообразными практиками, объединяло одно: практик должен был работать в гармонии с потоком мирских энергий вокруг него и при необходимости взывать к ним. Баланс и гармония являлись

ключевыми принципами этого Пути.

Практика не предназначалась для использования во вред. Даже когда Срединное царство под императорским контролем пыталось обуздать практику, даже после того, как Последнее царство уничтожило Девяносто девять кланов и вычеркнуло практики из истории, подобный образ мышления все еще оставался в основе культуры Хин. Возможно, именно поэтому оставшиеся практики, служившие при Императорском дворе и в Армии императорских Драконов, так легко проиграли королевским магам Элантии.

Цзэнь считал себя преданным последователем искусства практик, но он нечасто выпадал из окна трехэтажного здания. Это требовало определенной импровизации.

К сожалению, он относился к тем, кто строго следовал правилам и совсем не любил импровизировать.

Воздух свистел в ушах, девушка кричала, а небо и звезды в беспорядке кружились у него над головой. Цзэнь вскинул руку и потянул за укоренившиеся в его сознании за годы учебы и практики нити печати, сплетая воедино ее штрихи. Это заклинание привязало их к деревянному балкону наверху и помогло не столкнуться со стремительно приближающейся землей.

Они замедлились, как только он закрыл печать. Земля поднялась им навстречу, приземление получилось жестким, но не смертельным.

Цзэнь неуклюже выпрямился. Рядом с ним, распростер-

шись, на улице лежала девушка. Полы ее скромного платья для выступлений расстелились поперек дороги, привлекая взгляды прохожих. Она лежала неподвижно, как будто и не собиралась вставать.

В любом другом случае Цзэнь не стал бы раскрывать свою личность певичке, работающей по контракту в каком-то высококлассном борделе элантйской крепости.

Но обычные певички не убивали элантйских солдат за долю секунды. Цзэнь почувствовал заметную только опытным практикам волну ци, она зародилась на нижнем этаже и пронеслась по чайному домику. Ци, полная теней и мрака, энергия инь без баланса.

Та самая ци, по следам которой он шел от лавки старика Вэя, та самая энергия, чей поток стал слишком слабым, чтобы он мог отследить его в переполненном посетителями чайном домике.

Проблема заключалась в том, что эту ци почувствовал не только он. Наверху в разбитом окне появилась тень, свет фонаря окрасил ее бледную броню в красный цвет. Силуэт поднял руку, и воздух вокруг него задрожал.

Запах горящего металла сдавил Цзэню горло.

Магия. Элантйская металлическая магия.

В то время как практики хин заимствовали энергию ци у элементов природного мира, элантйские маги для создания своих заклинаний использовали металлы. Насколько Цзэнь знал, у каждого металла имелись свои сильные и слабые сто-

роны, а элантйские маги рождались привязанными только к одному виду, который после носили на предплечье.

Цзэнь предполагал, что очень не многие обладали способностью работать сразу с несколькими металлами.

Охотившийся на них маг принадлежал к редкому классу, известному как Сплав. Чем больше металлических браслетов носил Сплав, тем большим количеством металла он мог управлять и тем более могущественным считался.

Предплечье этого мужчины было радугой из руд. У Цзэня не имелось никакого желания встречаться с ним в бою, особенно с грузом в виде девушки, которая разбила фарфоровую чашку о его голову.

Цзэнь сделал несколько штрихов. Вихрь теней, подобно черному пламени, вырвался из его печати, затуманил пространство вокруг, тем самым скрыв их из виду. Этому трюку Цзэнь научился у мастера, служившего императорским ассасином.

Он повернулся и поднял девушку за подмышки. Оставались вопросы: ее происхождение, например. Все выжившие практики Хин, насколько Цзэню было известно, уже нашли убежище в его школе. Но он мог допросить незнакомку позже. Прямо сейчас было крайне важно не позволить элантйцам забрать ее, чтобы не превратить девушку в еще одно оружие, которое они могли бы использовать, чтобы получить доступ к хинской практике.

Цзэнь провел большим пальцем по шрамам на своих ладонях – движение, за все эти циклы ставшее привычкой. Лучше бы девушке умереть, чем пройти через то, что они собирались с ней сделать.

– Нам нужно уходить, – сказал он. Вокруг них кричали окутанные черным дымом люди; не пройдет и двух минут, как сюда придут патрули. – Пожалуйста. Постарайся...

Он услышал свист металла позади слишком поздно.

Цзэнь повернулся, мелькнул блеск клинка, за которым последовала жгучая боль в боку. Он резко выдохнул, от неожиданности у него подогнулись колени. Когда он приложил руку к животу, та была теплой и влажной от крови.

Цзэнь сразу понял, что клинок был отравлен, покрыт каким-то элантийским металлическим заклиниванием, которое начало неумолимо распространяться по его венам. Возможно, эссенция ртути, мышьяка или сурьмы.

Разум Цзэня затуманился, когда маленькие, но крепкие руки обвили его талии. Он почувствовал, как его руку перекинули через костлявое плечо, шелковистые волосы коснулись его подбородка. Среди аромата горящего металла и горькой крови мелькнули нотки лилий.

С некоторым трудом Цзэню удалось сфокусировать свой взгляд. Девушка тащила его по Дороге короля Алессандра. Призрачный свет расплывался; пот стекал по щекам, пока мир Цзэня сотрясался от стука его собственных шагов. Его удерживало в сознании только ощущение рук девушки во-

круг его талии и аромат лилий, плывущий в тумане, окутывающем разум.

Постепенно прохожих и магазинов становилось все меньше, а дороги темнели, по мере того как угасал свет фонарей.

Шлепая ботинками по грязи, они свернули на узкую боковую улочку. Воздух пропитал резкий запах отходов и нечистот... вперемешку с соленым привкусом океанских вод.

Девушка наконец замедлила шаг. Цзэнь обрадовался, когда она прислонила его к стене. Жжение в боку несколько ослабло с расстоянием, которое теперь отделяло их от элантийского мага. Чем дальше маг, тем слабее действие его заклинания... или тем более могущественным он должен быть, чтобы оно не спало. По крайней мере у элантийской магии имелся хотя бы один общий принцип, который работал и на практиках Хи. Пугало то, как мало горстке выживших практиков удалось разузнать об элантийской работе с металлами за двенадцать долгих циклов.

Цзэнь поднял дрожащую руку, чтобы вытереть пот со лба, но на ладони осталась кровь. Он озадаченно моргнул, силясь понять, откуда та могла взяться, а когда вспомнил, едва не рассмеялся.

Девушка разбила о его лицо чайную чашку.

– С вами все в порядке, господин?

Ее голос был подобен песне: звонкий, как серебряные колокольчики, чистый, как безмятежное небо. Цзэнь поднял глаза и увидел, как она пристально на него смотрит. Лунный

свет окутывал ее бледный, как пролитое молоко, наряд. Хотя ее волосы стали мокрыми от пота, эта девушка была прекрасна. Еще в чайном домике он не мог не отметить ее красоты. Изогнутые над острым подбородком губы, темные ресницы, обрамляющие глаза, уголки которых были приподняты как при улыбке. Эти глаза в данный момент изучали его так же внимательно, как и он изучал ее.

Цзэнь отвел взгляд.

– Да, – сказал он хрипло. – Спасибо.

Она перевела дыхание и отступила назад.

– Значит, вы не придворный пес.

Цзэнь устало посмотрел на нее:

– Разве я похож на того, кто работает на правительство Элантии?

Девушка приподняла брови и окинула его медленным, оценивающим взглядом от кончиков лакированных ботинок до сшитого в элантийском стиле плаща.

Цзэнь покраснел. Верно. Он был одет точь-в-точь как придворный пес. Как самый настоящий предатель.

– Как вы это сделали? – Ее тон изменился. Девушка, чье лицо наполовину скрывала тень, пристально наблюдала за ним. – Все эти дешевые трюки со светом, огнем и разбитыми стеклами...

– Это не дешевые трюки, – прервал Цзэнь. Глаза девушки блеснули, но больше она ничего не сказала. – У меня тоже есть вопросы, – парировал он, – например, как певичке

из чайного домика удалось убить высокопоставленного элантйского Ангела?

С таким-то количеством инь в энергии, что ты используешь.

При этой мысли Цзэнь сосредоточил на ней свой пристальный взгляд. Он рассматривал ее, маленькую и сжавшуюся, как готовое к броску животное. Однако как бы ни искал, он больше не мог найти следов инь, которые почувствовал в лавке старика Вэя и которые проникали в комнату цветов персика, цепляясь за труп элантйского Ангела.

В этом просто не было смысла. Если она была практиком, почему он не чувствовал никаких исходящих от нее следов ци?

Девушка перешла в оборонительную позицию:

– Не ваше дело.

– Теперь уже мое.

– Я не просила помогать мне.

Настала очередь Цзэня вскинуть брови.

– Да? Значит, я неправильно истолковал предложение, которое ты сделала мне в чайном домике?

Не моргнув и глазом она сократила расстояние между ними и протянула руку ладонью вверх.

– Тогда позолоти ручку, волшебник, который, оказывается, вовсе не придворный пес.

У Цзэня перехватило дыхание, когда он прижался к кирпичной стене так плотно, насколько это вообще было воз-

можно. Бесстыдная и неблагодарная, она использовала против него дешевые приемы певички. В его школе эту нахалку исключили бы за такое.

Он был выше этого. Пытаясь унять свое сердцебиение, Цзэнь проигнорировал девушку и огляделся вокруг: рассмотрел узкие переулки, неровную улицу, темноту, которая казалась более комфортной, чем поверхностный алхимический свет, используемый элантийцами.

– Где мы?

– В трущобах. – Девушка наклонила голову, чтобы посмотреть туда, где проходила главная дорога. Она все еще стояла обескураживающе близко. Аромат лилий резко контрастировал с запахом роз, которым был наполнен чайный домик. Словно услышав его мысли, девушка направила на Цзэня свой взгляд, яркий и дерзкий. – Знаю, что вы не приехали к подобным местам, господин, но патрули сюда никогда не заглядывают.

Господин. Он проигнорировал оскорбление.

– Теперь могут и заглянуть, – заметил Цзэнь, слегка выпрямляясь. Заклинание мага заметно ослабело, так что боль стала терпимой. Рана все еще кровоточила, но у него не было ни времени, ни материалов, чтобы обработать ее. – Нам нужно выбраться из города.

Не успели слова сорваться с его губ, как до них донеслась ритмичная литания⁹, звенящая глубоко в ночи.

---

⁹ Литания – в христианстве молитва в форме распева, состоящая из повторя-

Девушка втянула воздух.

– Колокола, – прошептала она, а затем ее взгляд метнулся к Цзэню: – Рассветные и закатные колокола.

Цзэнь не был уверен, что это значит. Он не рос в обычном городе Хин и едва ли успел насладиться Последним царством, прежде чем оно пало. С вторжением элантийцев города стали синонимом смертельных ловушек для таких, как он. Что Цзэню было известно, так это то, что в далекой столице Тяньцзин – городе, который его семья упорно избегала, – имелась пара колоколов, в обязательном порядке звонивших на рассвете и с наступлением сумерек. Он не был уверен, почему их звон так беспокоил девушку.

Она все еще смотрела на него так, будто он был сумасшедшим.

– Ради четырех богов, ты что, вырос в женском монастыре? Город... его закрывают.

Ах. Цзэнь прищурился и наклонил голову в ту сторону, откуда слышался звон. Держась рукой за бок, он оттолкнулся от стены и с облегчением обнаружил, что может стоять на ногах. Мир больше не вращался.

– Пойдем прямо к городским воротам, – сказал он. – Нельзя терять ни минуты.

Она покачала головой:

– Это первое место, где они станут искать. Возле закрытых ворот соберется целая толпа Ангелов.

– Тогда перелезем через городские стены.

– На них невозможно вскарабкаться. Патрули убьют нас на месте.

Цзэнь колебался. Если они в ближайшее время не выберутся из Хаак Гуна, он будет кишеть элантйскими солдатами и, что еще хуже, магами правительства.

«Элантйская военная крепость, должно быть, уже поднята по тревоге», – подумал он. Так что вскоре его и эту девушку выкурят, как угодивших в ловушку муравьев.

Если все действительно дойдет до этого...

Цзэнь принял решение за долю секунды.

– Можешь выбрать наилучший путь, а я позабочусь, чтобы мы его преодолели.

Глаза девушки заблестели, когда она посмотрела в направлении чайного домика, что остался примерно в дюжине улиц от них. Эмоции, нерешительность, вина и неприкрытая печаль скользили по ее лицу, как облака по ночному небу.

Это задевало за живое.

Голос Цзэня смягчился:

– Ты впервые стала свидетелем такого побоища?

– Нет.

Ответ девушки удивил его. За этим коротким резким словом скрывалась тысяча других. Ее взгляд можно было сравнить с непрочитанной книгой и таившейся в ней истории.

Историей, как Цзэнь подозревал, до боли ему знакомой. Он сжал челюсти.

– Тогда ты знаешь, что единственное, что мы можем сделать – это выжить.

Девушка моргнула, и выражение ее лица снова стало непроницаемым. Она уверенно и твердо шагнула вперед, как артистка из чайного домика, переходящая от одного акта к другому.

– Не отставай, – сказала она, прежде чем скользнуть в тень.

Колокола зазвонили по всему Хаак Гуну.

Народ впал в неистовство, и была задействована вся элантійская стража, загоняющая людей, как рыбу в сети. Девушка вела Цзэня закоулками, держась скользких от грязи улиц и узких, покосившихся стен, от которых веяло страданием. Уверенная в себе, она мелькала перед ним как призрак.

Хаак Гун был портовым городом. Одна его сторона оставалась открытой морю, в то время как остальные три окружали высокие стены, воздвигнутые тысячи циклов назад для защиты от мансорианских захватчиков. Ближе к концу Среднего царства, в эпоху страха, внушенного ныне печально известным демоническим практиком по имени Ночной убийца, эти стены были укреплены. Теперь же элантійцы использовали их, чтобы контролировать работу города и удерживать его жителей внутри. Стены оказались настолько высокими, что взобраться на них было практически невозможно. К тому же, как теперь видел Цзэнь, их патрулировали лучники.

Окруженные обшарпанными домами, Цзэнь и девушка пригнулись, притаившись в тени, что отбрасывала облупленная глиняная крыша. Они добрались до края трущоб, которые ютились в тени западных стен. На сторожевых башнях мерцали факелы, проливающие лучи света на царившую ночь. Цзэнь видел патрулирующих Белых Ангелов, их бледные доспехи мелькали между зубцами, как в жуткой игре в прятки.

Ему следовало хорошо рассчитать время. Забраться на самую высокую из возможных точек обзора, найти темное местечко между сторожевыми башнями, пространство между несущими дозор Ангелами... Тогда-то они и попробуют сбежать.

Цзэнь повернулся к девушке.

– Нам нужно подняться на крышу.

– Что, ты снова собираешься проделать один из своих трюков? – Певичка беспорядочно замахала руками, и ему потребовалось мгновение, чтобы понять, что она изображает его.

– Нет, – ответил он, стараясь не чувствовать себя оскорбленным. – Маги это заметят.

Еще мгновение она пристально смотрела на него, и Цзэнь осознал, что она вряд ли понимает хоть что-то из того, что он сказал о практике. В конце концов, императорский двор позаботился о том, чтобы простые люди думали, будто практики существовали только в народных легендах и рассказах.

Прежде чем отвернуться, девушка приподняла брови и посмотрела на него с выражением, которое могли бы посчитать дерзким – таким, которое некоторые учителя в его школе определенно не стали бы терпеть. Одним прыжком она с легкостью запрыгнула на подоконник, а после, покачнувшись, перебралась через выступающий терракотовый карниз.

То, как много времени ему потребовалось, чтобы встать без использования практики, было едва ли не унижительно. К тому времени, как Цзэнь вскарабкался на крышу, он сильно вспотел, а бок ломило от острой, колющей боли, которая совсем не улучшала настроения.

Девушка низко пригнулась, взгляд ее был прикован к городским стенам. Посмотрев на Цзэня, она прижала палец к губам.

– Маги, – пробормотала Лань, указывая в нужном направлении.

Сморгнув пелену, стоявшую перед глазами, Цзэнь прищурился. Скользнув взглядом по крышам трущоб, на главной дороге Хаак Гуна мужчина увидел то, от чего кровь застыла у него в жилах. По улицам петлял целый отряд королевских магов, которых можно было легко узнать по плащам, развевающимся, словно оторванные кусочки голубого неба. Даже отсюда Цзэнь мог видеть отблески металла на их предплечьях.

Ему и девушке из чайного домика нужно было убираться

отсюда как можно скорее.

Цзэнь прикоснулся к ране в боку. Она все еще кровоточила, но он решил позаботиться об этом, когда они окажутся за городскими стенами. Он осознавал, каким поверхностным и затрудненным стало его дыхание и каким искаженным, расплывчатым стало зрение.

С огромным усилием он встал и вытянул руку.

– Тебе нужно будет крепко за меня держаться.

При мысли о прикосновении на ее лице снова промелькнула тень страха. Цзэнь понимал намного больше, чем она могла себе представить. Элантйцы оставили следы на них обоих, как видимые, так и скрытые.

Девушка приподняла бровь:

– Разве мы не должны сосредоточиться на побеге, вместо того чтобы обниматься?

Несмотря на растущую необходимость действовать быстро, его щеки все же обдало жаром.

– Этим мы и занимаемся, – ответил Цзэнь. Головокружение теперь вызывало тошноту. Скоро у него не останется сил, чтобы перенести их обоих. – Я перенесу нас через стену.

– Как?

Цзэнь стиснул зубы.

– Просто... смотри. То, что я собираюсь сделать, невозможно объяснить за несколько секунд.

Она скептически посмотрела на него, но, слегка пожав плечами, все же подошла ближе и аккуратно накрыла его ла-

донь своей. Поколебавшись долю секунды, она все же задала вопрос, который повис между ними.

– Почему ты помогаешь мне? – на этот раз в ее словах не было насмешки. – Твой связной мертв, а мне нечего тебе предложить.

Цзэнь уже приоткрыл рот, чтобы ответить, когда кое-что заметил. Бледный, похожий на полумесяц узор выглядывал из-под рукава на ее левом запястье. В этот момент подул ветер, еще больше приподняв ткань, и Цзэнь увидел это: сморщенный шрам на коже девушки, линии которого были расположены по подобию хинского иероглифа, окруженного плавной, непрерывной дугой.

Печать.

Которую он никогда раньше не видел.

Цзэнь приоткрыл рот, и когда он снова поднял глаза, возникло ощущение, будто дымовая завеса, через которую он смотрел на девушку из чайного домика, наконец рассеялась.

Энергии инь, которые он почувствовал в лавке старика Вэя.

То, как она убила элантйского солдата взрывом ци.

Причина, по которой королевские маги охотились за ней.

На личности этой девушки стояла печать, что могло означать только одно: практик, оставивший ее, запечатал внутри этой девушки все секреты, которыми владел. Возможно, в этой печати таилась тайна, объясняющая исходящую от певички энергию инь.

Понимала ли она, что происходит?

Девушка все еще ждала ответа.

Какой бы лживый ответ Цзэнь ни собирался дать, он так и остался невысказанным. Внутренний голос велел ему импровизировать. Он перевернул запястье девушки и большим пальцем другой руки осторожно, чтобы не коснуться кожи, оттянул рукав.

– Потому что у тебя есть это, – сказал он.

– Ты его видишь, – прошептала она, и страх на ее лице уступил место удивлению.

Когда девушка выдохнула, Цзэнь приготовился к новым вопросам. Внезапно она сократила расстояние между ними и обвила руками его талию. Голова девушки стукнулась о его плечо. В этом жесте не было ничего романтического; это было движение, вызванное отчаянием, и оно отозвалось болью в груди Цзэня. Маленькая девочка, цепляющаяся за последнее прибежище в этом рушащемся мире.

Очень нежно Цзэнь позволил себе опустить руки на ее поясницу. Волосы девушки щекотали его подбородок, аромат лилий окутывал и успокаивал. Усталость навалилась на Цзэня, так что девушка тоже, в некотором смысле, поддерживала его. Ее присутствие оставалось твердым и незыблемым.

Однако худшее было еще впереди.

– Держись, – сказал он и позволил ци течь через его тело.

Искусство Света было разделом практики, который точным образом направлял ци через фокусные точки тела с це-

любо совершать неординарные движения. В рассказах о практиках, что дошли до простых людей, подобное мастерство часто преувеличивали, приписывая героям способность летать или танцевать на воде. Чтобы преодолеть эти стены, требовались навыки чрезвычайно одаренного практика... и идеальный момент.

Цзэнь обуздал текущую вокруг ци, позволив ее потокам влиться в него, и запер все это внутри. Обычные люди тоже имели внутри себя ци – являясь основой этого мира, она текла повсюду, – и все же именно способность притягивать энергию и контролировать ее даровала практикам их силы. На протяжении нескольких циклов практики культивировали и расширяли количество ци, которое они могли удерживать в своих ядрах. Цзэнь знал, что в данный момент он светится как маяк, притягивая своей энергией находящихся поблизости элантйских магов. Оставалось всего несколько мгновений, прежде чем они настигнут его.

Девушка крепко обнимала его, как будто почувствовав движение ци вокруг них. Цзэнь услышал отдаленные крики, увидел вспышки металла, почувствовал едкий запах элантйской магии.

Еще немного...

Подошвы ног покалывало, бушевавший внутри поток ци наполнял его опьяняющим приливом жизненной силы. Цвета вокруг стали резче, звуки четче, как если бы мир рассыпался на осколки раскрашенных кристаллов, острых, как

лезвие, и ярких, как алмазы. В то же время что-то зашевелилось внутри: огромный зверь вдохнул, с урчанием просыпаясь от притока энергии.

Цзэнь подавил это чувство.

Вспышки серебряных доспехов ритмично мерцали между зубьями городских стен, патрули все еще не знали о том, что происходило внизу. Цзэнь мысленно отсчитывал секунды, у его ног горела энергия.

И вот он побежал.

Мир открылся в волнующем потоке света и тьмы, инь и ян. Переулки, петляющие зигзагами между осыпающимися крышами полуразрушенных домов, вереницы белья, повешенного за окнами и развевающегося, словно бледные души, мерцающие свечи то тут, то там, отбрасывающие желтые тени сквозь бумажные окна. Цзэнь мог чувствовать все это, элементы мира, составляющие поток ци: размокшую землю, рыдающую под покрытыми отходами и копотью улицами, затхлый воздух, висящий над сгорбленными домами. Маленькие лужицы воды, забитые нечистотами, угольные топки, приносящие так мало тепла в эту осеннюю стужу.

«Ты мог бы что-нибудь сделать, – прошептал голос в глубине его сознания. – Мог бы положить конец страданиям своего народа. Вся эта сила в твоих руках. Если бы только ты освободил ее».

Девушка в его объятиях приглушенно пискнула. Цзэнь напрягся. Воздух внезапно стал удушливым, запах горелого

металла сжал горло, давление в ушах усилилось...

Железный хлыст обрушился на них из ниоткуда.

Повинуясь инстинкту, Цзэнь изогнулся всем телом, прикрывая собой девушку.

Он почувствовал удар в тот момент, когда плеть хлестнула его по спине, достаточно сильно, чтобы перед глазами заплясали звезды. Боль, мучительная боль, распространилась по его венам, как лесной пожар. Он не мог дышать, двигаться или думать.

Цзэнь потерял концентрацию. Ци, которая подталкивала его вверх, рассеялась. Небо начало отдаляться, а земля стремительно приближалась.

Тьма сомкнулась вокруг практика.

Идущий по Пути участвует в равном обмене, ибо нельзя брать без того, чтобы отдавать.

Заимствованная сила должна быть возвращена хозяину, а сама власть требует оплаты.

Дао цзы, «Книга Пути»

Классика добродетелей, 1.4

Парень потерял сознание.

Что-то – металлический хлыст, которым скорее всего владел элантйский маг, – ударило его, отчего они сбились с нужного направления и начали крутиться по спирали.

Пока они падали, Лань кричала, прижимаясь к парню, в то время как лацканы его плаща хлопали перед ее лицом, как сломанные птичьи крылья. Ветер завывал у девушки в ушах, заглушая ее голос и теребя черные локоны парня.

Земля приближалась, непреклонно и быстро. Нет, не земля – зубья городской стены, что облизывал свет факелов, вместе напоминающие зубы и язык огромного зверя, открывающего свою пасть. Лань увидела блеск серебра и металла под ними – патрули, которые доберутся до них через несколько секунд.

Она снова закричала, с огромным трудом отдернула руку и ударила парня по щеке.

Тот резко открыл глаза.

У Лань кровь застыла в жилах.

Она будто бы видела нечеловеческое лицо; его выражение было настолько ледяным, что могло бы принадлежать одной из тех элантйских мраморных статуй, изображающих богов и ангелов. Осторожный, вежливый парень, с которым она разговаривала ранее, исчез.

И его глаза – они были полностью черными. Что-то кружилось в этой темноте: отблеск света, далекие звезды в чернильной ночи. Лань почувствовала, как он положил руки ей на спину, почувствовала прилив чего-то необъяснимого вокруг них – энергии ли, силы или ветра?

Воздух стал густым, как рисовый сироп. Что-то коснулось спины девушки. словно убаюкиваемые гигантской рукой, Лань и хин замедлились, поплыли вниз и плавно приземлились на каменные валы.

Парень с поникшей головой растянулся на них. Его веки затрепетали, и с тихим выдохом он снова потерял сознание, придавив Лань своим весом.

Неподалеку загрохотали шаги. Кто-то потянул ее за руки. Мир принял нормальное положение, когда ее рывком поставили на колени. Чьи-то руки в перчатках схватили ее за подбородок так сильно, что на нем скорее всего останутся синяки, и заломили ей руки за спину. Лань подняла глаза и обнаружила, что ее удерживают несколько патрульных с городской стены.

– Что это такое, черт возьми? – Элантйский язык окатил

ее, как ведро холодной воды. — Ты видел?

— Откуда, думаешь, они спрыгнули? Было слишком темно, чтобы разглядеть.

Не убедись Лань, что мужчина почти летел, прыгнув на стену с крыши домов, она бы тоже ни за что в это не поверила. Как? Она подумала о пламени, которое, казалось, вырывалось из его пальцев. О том, как он начертил странный символ в воздухе, и окно, находящееся в нескольких шагах от него, буквально разлетелось вдребезги.

Девушка вспомнила свой последний разговор со стариком Вэем.

В каких бы народных героев ты ни верил, они уже давно мертвы. В этом мире не осталось героев, старина Вэй.

Ты и правда так думаешь?

Грубый большой палец коснулся ее щеки. Мысли Лань рассеялись.

— Красивая штучка, — промурлыкал один из элантйских Ангелов. — Стыдно такой не воспользоваться.

Лань боролась, пытаясь проникнуть внутрь себя за частичкой той чудесной силы, которая спасла ее от Дон-нарона Дж. Тарли.

Но в этот раз ничего не произошло.

Девушка едва подавила крик, когда Ангелы прижали ее к грубо отесанному камню. Она почувствовала вкус крови, теплый и металлический, почувствовала, как ее спины коснулась твердая, холодная броня, когда швы ее легкого пла-

тъя для выступлений разошлись так же легко, как рисовая бумага.

Неужели вот так все и закончится? Неужели она погибнет от рук нескольких Ангелов, когда свобода находится всего в нескольких шагах, по ту сторону стены?

– Оставьте ее в покое, – прорвался сквозь туман ее мыслей голос, подобный грому зимней бури. Давление на нее тут же ослабло, и Лань подняли на ноги.

Сморгнув слезы, она посмотрела в холодные голубые глаза новоприбывшего.

К ним направлялся Зимний маг. Свет факелов делал его серебристо-голубой ливрей багровым. Волосы элантйца представляли собой белую как лед копну. В воспоминаниях Лань они всегда были красными, красными, как кровь из сердца ее матери в тот день, когда она впервые встретила его.

Только на этот раз Зимний маг тоже видел ее. Прямо на ее глазах сверкающий хлыст, который до этого тянулся за магом, обвился вокруг его рук, растворившись в одном из металлических браслетов, что он носил.

– Ты, – тихо сказал элантиец. – Я думал, что узнал магию, которую в последний раз видел двенадцать лет назад. Ту самую, которую не мог забыть.

Зимний маг опустился на колени. Пальцами в синих перчатках он схватил Лань за подбородок так сильно, что, когда рывком повернул ее лицо к своему, девушка ахнула. Его глаза торжествующе сузились.

– Не убей ты генерала Тарли, так бы и продолжила танцевать у меня перед носом.

Он узнал ее. Даже хуже... он искал ее.

Из-за ее *магии*.

«Какой еще магии?» – в отчаянии подумала Лань, но понимание прожгло ее разум чередой образов: генерал Тарли, умерший от таинственной вспышки белого света; ее мать, чьи волосы и платье развевались, будто бы подхваченные невидимым ветром, танцующие на лютне пальцы, которые после сжали запястье Лань, оставив шрам, видимый только ей и написанный на языке, которого никто не понимал.

До сегодняшнего вечера.

Маг поднял руку и стянул с нее перчатку. Вид его пальцев – длинных, тонких и болезненно белых – вызвал у Лань волну отвращения.

– Пришло время закончить то, что я начал.

Лань поклялась себе, что в следующий раз, когда они встретятся, она не будет испуганным, дрожащим от страха ребенком, беспомощно прячущимся в укромном месте. Она поклялась, что станет сильной. И сможет дать отпор.

И все же, когда Лань встретила с Зимним магом взглядом, она почувствовала, что у нее пересохло в горле. Ее охватил страх – такой сильный, что она содрогнулась в его объятиях.

– На этот раз, – прошептал королевский маг, – ты отдашь его мне.

Она не могла оторвать взгляда от его холодных глаз. Не могла заглушить слова, что преследовали ее целых двенадцать циклов.

«Отдай его мне», – сказал он маме.

«Никогда», – ответила она.

Время замедлилось, когда маг прижал свою обнаженную руку к левому запястью Лань. Металл на одном из его браслетов начал извиваться, пока не заострился, как кончик иглы, и не проколол кожу девушки.

Вспыхнувшая боль выстрелом пронеслась от ее руки до груди, в конце концов поглотив все тело. Зимний маг будто бы провел раскаленным добела ножом по ее костям, вырезая дыру в ее плоти. На этот раз, когда воспоминание о смерти матери снова вспыхнуло перед глазами Линь, в нем таилось что-то другое, что-то большее.

На этот раз, когда мама схватила ее за запястье, выжигая на коже невидимый шрам, напоминающая змею фигура, извиваясь, выползла из ее тени.

Лань закричала. Лицо Зимнего мага сияло в белом свете, похожем на морщинистые изломы на его щеках. В свете, который, как она поняла, исходил от ее собственного запястья.

Ее шрам пылал, заключенный в круг иероглиф сверкал, как белое золото. По венам Лань зигзагами пробежал огонь, на коже появились трещины, как если бы девушка раскалывалась изнутри. В ушах раздался пронзительный визг, когда мир вокруг покрылся рябью и изменился.

Зимний маг с криком отпустил ее запястье. Схватившись за левую руку, Лань упала на колени. Что-то, вырвавшееся на свободу внутри нее, сжимало виски и завывало прямо в уши.

Тень прорезала царивший вокруг хаос. Чьи-то прохладные руки обхватили Лань за плечи, отталкивая назад. Небо перевернулось, звезды, внезапно ставшие ярче кристаллов, закружились так близко, что она почти могла попробовать их на вкус.

Но в следующий миг все исчезло.

Прохладный ветер пах травой. На ее щеках чувствовалась влага.

Лань проснулась от мягкого стука дождя. Небо над ней было затянуто бамбуковыми листьями, а луна казалась не более чем серебристым шепотом за грозовыми облаками. Девушка не узнавала место, в котором оказалась. Похоже, она лежала посреди бамбукового леса. Вокруг ни элантйцев, ни городских ворот, ни страха, ни боли. Было слышно только мягкое журчание воды, которая стекала по покрытым мхом стеблям и падала на дремлющую землю.

Не обращая внимания на острую боль, отдающую в зубах, Лань повернула голову. Рядом с ней, наполовину в грязи, с черными волосами, рассыпавшимися по лицу, лежал хин.

Он был совершенно неподвижен, если не считать того, как едва заметно поднималась и опускалась его спина. Кровь

мягко сочилась из виска и носа парня, а кожа приобрела пепельный оттенок. Полы плаща раскинулись вокруг него, как лужа темной воды.

Они выжили.

И все же мир изменился, стал более ясным, словно она всю свою жизнь смотрела на него сквозь треснувшее стекло, а падение расставило все на места. Лань чувствовала каждую каплю дождя, падающую с неба по спирали, влагу, впитывающуюся в землю, на которой она лежала, холодные потоки ветра, пробегающие между листьями бамбука, теперь, по какой-то невероятной причине, такими живыми. Станный гул энергии леса, воды, облаков, слившихся в чистейшую музыкальную гармонию.

Все выглядело так, будто мир наконец пробудился... или, возможно, это она очнулась от спячки.

Лань, прижав пальцы к вискам, прикрыла глаза. Должно быть, она сильно ударилась головой.

Несмотря на боль во всем теле, девушка заставила себя сесть и с трудом перевернула хина на спину.

Именно тогда, когда Лань оттянула часть рукава, чтобы промыть его раны, она увидела свою левую руку. Все отошло на второй план, и ей пришлось схватиться за живот, чтобы остановить рвотные позывы.

Ее запястье выглядело так, будто кто-то впрыснул расплавленное серебро в ее вены, а от шрама, серого и поблескивающего под тонким слоем кожи, по остальной части руки

расходились кровоподтеки, напоминающие корни больного, искривленного дерева. Дождь пропитал волосы, струился по лицу, пока девушка сидела, уставившись на свою искалеченную руку. Рядом с ней шевельнулась тень.

Хин очнулся и присел. Он вытер грязь и дождевую воду с лица и, моргнув, посмотрел на нее затуманенными глазами. Тут его взгляд стал острее.

– Четыре бога, – прошептал он. – Твоя ци...

– Что? – прохрипела Лань.

Хин смотрел на девушку еще несколько мгновений, потом опустил взгляд на ее руку.

– Позволь мне взглянуть. – Его голос был хриплым от усталости, но хин все еще тщательно контролировал каждое слово. Он оставлял все секреты при себе.

Лань сглотнула и протянула к нему руки. Она попыталась не вздрогнуть, когда его пальцы коснулись кожи.

Взгляд хина метнулся к ней. Не говоря ни слова, он отвел руки и положил их на колени. Очень долго он, склонившись, рассматривал запястье Лань. Когда наконец хин заговорил, выражение его лица было непроницаемым.

– Полагаю, элантйский маг ввел металлическую магию в твои вены в попытке сломать печать на твоей руке. Если об этом вовремя не позаботиться, заклинание просочится в кровь и в итоге убьет тебя.

Слова хина глухо отдавались в ушах Лань. Девушка на мгновение зажмурилась, но это не остановило вспышки об-

разов, проносившихся в ее сознании: Ин, ее тело, разрушенное заклинанием Зимнего мага. Руки Белого Ангела на ее коже, разрывающие ткань платья.

Ее дом и мать, истекающая кровью на полу из розового дерева.

Спустя двенадцать циклов бегства и прятков элантйцы разрушили маленькое убежище, в котором она укрылась от шторма. Они убили тех немногих, о ком она заботилась в этом мире. Одежда висела на Лань лохмотьями, обнажая плечи и спину. Девушка находилась на волосок от изнасилования.

Если продолжит жить, именно такая участь ее ждет: полусуществование на разграбленной земле, вечно во власти элантйских завоевателей, как крыса в клетке.

Капли дождя на ее щеках стали теплыми.

– Я не... – ей не хватало воздуха. – Я не хочу так жить...

Что-то тяжелое упало ей на плечи. Хин, присевший перед ней на корточки, завернул девушку в свой плащ. Одним рукавом он начал вытирать Лань лицо, время от времени останавливаясь, чтобы оценить ее реакцию. Она позволила дождю омыть ее и потушить все чувства, пока хин вытирал кровь с ее щек и разбитой губы. Он был нежен и осторожен, а каждое прикосновение ткани стирало воспоминания об элантйских руках.

Закончив, хин отстранился и сцепил пальцы.

– Я знаю, каково это, – тихо сказал он. – Знаю, каково

это, когда у тебя отнимают все. И знаю, как это трудно... продолжать жить.

Лань посмотрела на него, крепко обхватив себя руками. В его глазах не было ничего от той чуждой, древней черноты. Выражение лица хина было собранным и сдержанным. В нем не проглядывалась доброта, только жесткое, ранящее сочувствие.

– Но ты должна помнить, что если решишь жить, то не только ради себя. – Он взмахнул рукой, как будто хотел прикоснуться к своему сердцу. – Ты будешь жить ради тех, кого потеряла. Внутри тебя хранится их наследие. Элантійцы уничтожили все, что составляло основу нашего царства: наши семьи, культуру, образование, принципы. Они хотят поставить нас на колени, подчинить так, чтобы мы никогда больше не посмели подняться.

– Но они не знают, что пока мы живы, мы несем внутри себя все, что они уничтожили. И в этом наш триумф, наш бунт. – Дождевые капли прилипали к его ресницам, но ни один из них не отвел взгляд. – Не позволяй им победить.

Лань закрыла глаза, и ее спутник позволил девушке плакать в тишине. Дождь заглушал любой звук, который она могла бы издать. Когда ее плечи расслабились, а прерывистое дыхание стало ровным, Лань снова подняла голову. Плотнее натянув плащ на плечи, девушка взглянула на хина и осознала, что тот сидит под дождем в одной тонкой белой рубашке. Ткань намокла и стала полупрозрачной, обрисовы-

вая стройные мускулы, словно набросок углем. Рубашка была разорвана с одной стороны, и по ней, как уродливое чернильное пятно, растеклась кровь.

– Ты можешь вылечить мою руку? – ее голос был не более чем шепотом.

Пристальный взгляд хина снова сосредоточился на ней, и девушка увидела в глазах парня, как одолевающие его самого мысли рассеиваются, будто дым.

– Не могу. Но если доверишься мне, я могу наложить временную печать на металл... и на твою ци.

– Мою... ци?

На лице хина отразилось понимание.

– Так ты и правда ничего не знаешь?

Лань уставилась на своего собеседника.

– Тогда ты точно не практик, – заявил парень после нескольких минут молчания. Он сосредоточенно нахмурился... – У тебя сильная связь с ци. Я почувствовал ее слабый след в лавке старика Вэя, а потом в комнате чайного домика, но затем все исчезло... до этого момента. Похоже, пробив печать на запястье, элантыйский маг разблокировал твою силу. Ты вся светишься от ци.

Печать. Ци.

Подобные слова она встречала только в сборниках рассказов или слышала в старых легендах.

Лань прикоснулась пальцем к своему лбу. Гудение энергий, которое она ощутила после того, как они приземлились

в лесу... то, как мир ожил в чистейшей, самой невероятной гармонии, что ей когда-либо довелось испытывать. Было ли это?..

Хин наклонил голову. Дождь ручейками стекал по его черным волосам, но он смотрел на нее, усталый и серьезный.

– Я знаю, что в наши дни о древних практиках говорят только в легендах и преданиях. Но мы существуем. Всегда существовали. и ты... – казалось, он хотел дотронуться до ее левой руки, но передумал и вместо этого указал на ее шрам: – Если ты не одна из нас, тогда ты каким-то образом связана с кем-то из практиков. Никто из нас не станет накладывать на другого человека печать без особой на то причины.

Ее сердце... Лань никогда раньше не чувствовала, чтобы оно билось так сильно. Уставившись на хина, она испытала внезапное желание прижаться к нему, чтобы убедиться, что он не растает в темноте, как дым или тени.

Как мама.

Поскольку Лань молчала, парень вздохнул.

– Позволь мне тебе кое-что показать, – сказал он. – Дай мне руку. Обещаю, будет не так больно.

Лань нравилась его манера говорить: прямо, честно, излагая всю правду, какой бы суровой она ни была. Она устала от лжи и недомолвок.

Девушка колебалась.

– Что ты собираешься сделать?

Хин выглядел усталым.

– Наложу Защитную печать на металл, введенный в твою плоть и вены, чтобы замедлить распространение серебра. Мне нужно будет смешать его с Фильтрующей печатью, чтобы обеспечить отток крови, в то время как металл останется в ловушке, чтобы у тебя не отнялась рука. Затем... Я нанесу обезболивающий бальзам.

Лань медленно протянула руку и заставила себя замереть, когда он дотронулся до ее кожи. Парень был нежен и чтобы успокоить ее, едва касался запястья кончиками пальцев.

Хин прижал указательный и средний пальцы другой руки к ее плоти, и Лань резко вздохнула. Казалось, воздух вокруг мерцал – незаметно, но так, что это находило отклик в ее душе, как недостающие аккорды в гармонии. Она почувствовала, как что-то потекло с кончиков его пальцев в ее руку, просачиваясь сквозь кровь и кости.

Лань нарушила тишину.

– Что ты имел в виду, когда сказал, что маг разблокировал мою силу... взломав мою печать?

На лице хина промелькнуло удивление.

– Так ты ничего не знаешь ни о печати на своей руке, ни о том, почему элантйские маги охотятся за тобой? К тому же сам верховный генерал?

– Верховный генерал? – ошеломленно повторила Лань.

– Он отчитывается непосредственно элантйскому губернатору этого королевства. Полагаю, этот человек командует всеми элантйскими магами. Разве ты не заметила его брас-

леты?

– Я была слишком занята, разглядывая его металлические, несущие смерть руки.

– Ты уклоняешься от ответа, – нахмурился парень.

Она не уклонялась, просто не знала, что ответить. Лань подумала о Зимнем маге, о его пронизывающих, как лед, глазах.

Я думал, что узнал магию, которую в последний раз видел двенадцать лет назад. Ту самую, которую не мог забыть.

Затем он произнес те же слова, которые двенадцать циклов назад сказал ее матери... Только в этот раз Лань поняла их смысл.

На этот раз ты отдашь его мне.

Что он так хотел получить? Новый вопрос сформировался в ее голове. Зимний маг хотел чего-то от мамы – что-то, что она поклялась никогда ему не отдавать. Что-то, ради чего она умерла.

Последнее, что она сделала перед смертью – выжгла этот шрам, печать на запястье Лань.

И теперь Зимний маг охотился за ней.

В ожидании ответа хин наблюдал за Лань. Девушка никогда в жизни никому, даже старому Вэю или Ин, не рассказывала о случившемся.

Она даже не знала имени сидящего перед ней человека.

– Не знаю, – солгала Лань. – Должно быть, он охотится за мной, потому что я убила его генерала.

Хин хоть и немного прищурился, все же не стал настаивать.

– Ты обладаешь скрытой связью с ци, которую маг высвободил, пронзив твою руку металлическим заклинанием. – Парень слегка наклонился вперед и, как какой-то ученый, начал рассматривать ее запястье. На его лице промелькнуло любопытство. – Печать на удивление сложная, с множеством слоев... Хотя теперь я вижу, что один из них подавлял твою естественную связь с ци. Полагаю, осталось еще несколько уцелевших, но несмотря на это... на тебе печать чрезвычайно опытного практика.

На Лань нахлынуло облегчение, такое сильное, что девушка подумала, что вот-вот расплачется. Двенадцать циклов последнее воспоминание о матери казалось ей галлюцинацией, порожденной шоком от того дня.

Но все было не так. Все, что она считала невозможным, оказалось правдой. Что ее мать была древним практиком или, по крайней мере, имела к ним какое-то отношение. Что она умерла, защищая тайну, которую заперла внутри Лань... и подавила ее связь с ци, чтобы скрыть дочь от элантйских магов.

И что древние практики – те, что в преданиях и легендах ходили по озерам и рекам Последнего царства, – все еще были живы.

Лань наклонилась вперед.

– Можешь рассказать мне больше об этой печати? – по-

просила она.

– Я не могу ее прочесть. – Хин осторожно убрал пальцы с ее руки. Шрам или печать на ее запястье все еще тускло отливала серебром, но кровоподтеки остановились у локтя. Там, среди искривленных металлических выступов вен, покоилась новая чернильно-черная, увитая красными нитями печать. Когда Лань отвела взгляд, слабо светящаяся метка, казалось, испарилась. – Печать, которую я наложил, продержится примерно одну луну. Серебро не пойдет дальше по кровотоку, а некроз¹⁰ замедлится.

– Некроз? – повторила девушка.

– Да. Без должного лечения у тебя отнимется рука.

«А вместе с ней, – подумала Лань, – и печать, и то, что в ней спрятано».

Что-то, что Зимний маг искал целых двенадцать долгих циклов. Что-то, из-за чего умерла ее мать.

Лань открыла рот, но поток вопросов замер на кончике ее языка, когда она посмотрела на практика. Тот осторожно прислонился к бамбуковому стеблю, и девушка внезапно заметила, насколько усталым он выглядел. На его виске запеклась кровь, а пятно на рубашке становилось все больше. Тяжело дыша, хин закрыл глаза.

Этот мужчина спас ей жизнь. К тому же только он мог рассказать ей больше о происходящем – об оставленной ма-

---

¹⁰ Некроз – повреждение клеток, которое приводит к их преждевременной гибели в живой ткани.

терью печати и причине, по которой Зимний маг охотился за ней.

Лань разорвала до конца уже порванный рукав своего платья, разделила ткань на длинные тонкие полоски и опустилась рядом с практиком на колени. Поникший, он посмотрел на девушку с удивлением.

«Я хочу жить», – подумала Лань, а затем добавила:

– Ты мне нужен.

Она давно поняла, что ничего в жизни не дается даром. Этот незнакомец уже так сильно помог ей, что, вполне вероятно, не стал бы продолжать, не получив чего-то взамен.

– Возьми меня с собой, – сказала она. – Я могу тебе пригодиться. Я умею готовить, петь и хорошо управляюсь по хозяйству.

Практик посмотрел на полоски ткани в ее руках. Понимание исказило черты его лица, когда Лань наклонилась, чтобы, все еще сжимая самодельные бинты, вытащить его пропитанную кровью рубашку из черных брюк.

Ножевая рана в боку оставалась свежей. Несмотря на прохладный зимний дождь, кожа парня была горячей, будто его грел огонь, которого Лань не могла видеть. Когда девушка начала обматывать полосками ткани его живот, мышцы практика напряглись, и он схватил ее за запястье. Лань застыла.

– Я ничего от тебя не требую, – заявил он. – Я не враг, не обманщик и не торговец, хорошо разбирающийся в сделках.

Но, – он судорожно вздохнул и отпустил ее руку, – в данный момент я был бы безмерно благодарен за помощь.

Давление в груди Лань ослабло. Она помогла хину подняться, прислонив его к толстому бамбуковому стеблю. Пока Лань перевязывала рану, а после промывала порез на виске, никто не проронил ни слова. Чтобы согреть онемевшие руки, девушка позволила своим пальцам задержаться на коже практика еще на несколько мгновений. В тишине при мягком стуке дождя по листьям бамбука между ними, возможно, установилась новая связь.

Доверие.

Через какое-то время практик сказал:

– Кажется, при нашей первой встрече я совсем забыл о манерах. – Его взгляд все еще был затуманен усталостью, но голос снова стал приятным, властным и повелевающим, как тогда, в чайном домике. – Меня зовут Цзэнь.

Цзэнь. Односложное прозвище, предписанное новыми элантійскими законами... но в любом случае лучше, чем ничего. Почти имя, почти правда... Пока что этого было достаточно.

Лань растянула губы в подобии улыбки:

– А я Лань.

8

Медитация – это практика полной отрешенности от физического мира, единения с внешним и внутренним потоком ци, постоянная гармония инь и ян.

Путь практика.

Раздел второй «О медитации»

– ЛяньЭр. Сун Лянь. Это означает «лотос», – однажды объяснила мама голосом, похожим на певучие колокольчики.

– Цветок? – ЛяньЭр высунула язык. Она видела цветущие лотосы у них во дворе. Видела, как легко их срывали, не оставляя после короткой жизни ничего, кроме россыпи лепестков.

Мама взяла ее за руку.

– Да, цветок. Меня тоже называли в честь цветка Мэй, как цветок сливы. А ты знаешь, что цветы сильнее, чем кажутся?

ЛяньЭр позволила матери вывести ее на улицу, спустилась с ней по каменным ступеням и перешла по маленькому мостику, дугой перекинутому через пруд.

Весеннее солнцестояние совсем недавно вдохнуло в природу жизнь, и бесцветный снежный покров зимы уступил место застенчивому румянцу зелени. На гладком, как нефрит, пруду покоился одинокий лотос.

– Смотри, как каждый цикл они расцветают вновь и вновь, – сказала ей мать. – Они могут вырасти в месте, где нет ничего, кроме грязи, принося своей стойкостью свет и надежду.

По словам мамы, цветы сливы тоже являлись символом мужества и настойчивости, поскольку цвели даже среди зимнего снега.

Это оказалось ложью. Когда снова наступила зима, мамы не стало.

Лань резко проснулась. Мгновение она лежала очень тихо, пытаясь удержать ускользающий от нее сон. Голос матери, которого Лань не слышала вот уже двенадцать долгих циклов, и имя, которым ее называли целую жизнь назад.

Сон рассеялся, как туман на солнце, но кое-что осталось: песня, которую она слышала в промежутке между сном и явью. Призрачная мелодия манила в темноте. Как будто кто-то звал ее.

Лань окружали стрекотание цикад и гул лесной жизни: ветер касался ее щек, а трава щекотала ступни. Из-за холода утренней росы и пропитанной дождем земли воздух вокруг был влажным.

Бамбуковые листья над головой обрамляли кусочек неба, оказавшийся на границе между ночью и рассветом, тьмой и светом. Лань потребовалось несколько мгновений, чтобы осознать увиденное. Она всегда просыпалась на рассвете и видела перед собой низкий решетчатый потолок чайного до-

мика, слышала мягкое дыхание Ин рядом с собой и ощущала тепло двадцати или около того тел, спящих в этой же комнате.

Что-то лопнуло, как струна, нарушая гармонию леса. Нахлынули воспоминания о прошлой ночи.

Зимний маг и его глаза, такие же яркие, какими она запомнила их двенадцать циклов назад.

Падающий силуэт Госпожи Мэн на фоне плетеной ширмы, украшенной узорами из цветов.

И Ин...

Лань резко села и сделала вдох. Из горла вырвался резкий звук. Боль от мысли о подруге заставила Лань прижать руку к груди, и под разорванными рукавами своего платья она увидела изуродованную кожу на запястье. Ее шрам, ее печать – бледный разрез сморщенной плоти на фоне серебристых прожилок, покрывающих вены. А поверх – новая, черная, оплетенная малиновой паутиной, со штрихами, пульсирующими, как огонь.

Практик.

Цзэнь.

Поляна оказалась пуста. Лань с бешено колотящимся сердцем вскочила на ноги и огляделась в поисках каких-либо признаков своего спутника – доказательств того, что события прошлой ночи ей не привиделись.

Лань обхватила себя руками и сжала пальцами незнакомую ткань.

Опустив взгляд, девушка поняла, что все еще одета в черный плащ, длинные рукава которого свисали с ее плеч. Практик дал ей этот плащ, потому что Ангелы разорвали ее платье на спине.

Лань плотнее запахнула плащ, поглаживая пальцами тонкий материал, – цзинь, изысканный шелк, который когда-то был популярен в кругах хинской знати. Плащ был сшит на элантйский манер: с высоким воротником и зауженной талией, с петлями, в которые можно было продеть элегантный пояс из аксамита¹¹. Лань поколебалась, прежде чем наклонить голову и уткнуться носом в воротник. Под запахами травы и бамбука скрывались нотки едкого дыма, ладана... и, несомненно, мужчины.

– Доброе утро.

Лань вздрогнула от неожиданности. Из-за стеблей бамбука показался Цзэнь. Он выглядел хорошо отдохнувшим и невероятно чистым: влажные волосы были убраны в некое подобие прически, а блестящая, как бледный нефрит, кожа очищена от пота и грязи. Даже без своего длинного плаща, оставшись в белой рубашке, заправленной в черные брюки, он выглядел великолепно. Цзэнь снял ботинки и теперь приближался к ней совершенно беззвучно.

– Завтрак подан, – сказал он, протягивая ей две оранжевые хурмы. – Нам лучше поспешить. Моя печать перенесла

---

¹¹ Аксамит – устаревшее название плотной ворсистой, часто узорчатой ткани из шелка и золотой или серебряной нити, напоминающей бархат.

нас в Нефритовый лес. Пусть мы и далеко от Хаак Гуна, я не хочу рисковать и давать элантйским разведчикам шанс выйти на наш след.

Лань взяла один из плодов и спросила:

– Куда мы пойдем? – в предрассветном свете хурма внезапно показалась девушке слишком яркой, слишком обычной по сравнению с ее искалеченной рукой. Как такие красивые и обычные вещи продолжали существовать в то время, когда весь ее мир перевернулся с ног на голову?

Цзэнь помолчал, скользнув по ней взглядом, будто оценивая.

– На северо-запад, – наконец ответил он, – к Центральным равнинам, где хватка элантйцев слабее всего.

Центральные равнины. Лань слышала истории об огромных раскинувшихся землях, составлявших большую часть Последнего царства. Элантйцы легко завладели более населенными прибрежными районами; центральная же область оставалась загадкой как для завоевателей, так и для большей части представителей хин. Центральные равнины наряду с низменностями Шу и Северными степями были описаны в историях и мифах как территории, которые когда-то занимали кланы, включая легендарный Мансорианский клан Ночного убийцы.

– Разве там не обитают привидения? – выпалила она. Старик Вэй часто говорил, что после резни Девяноста девяти кланов огромные земли кишели духами практиков, которые

выли, как скорбящие вдовы.

Старина Вэй.

Еще один приступ боли пронзил сердце Лань, и она на мгновение зажмурила глаза.

Сосредоточься. Сосредоточься на текущей задаче.

Выживание.

– Обитают, – рассеянно отозвался Цзэнь. Он натягивал ботинки, и Лань заметила блеск клинка, привязанного к его голени ремешком. – Но не такие, с которыми я не мог бы справиться.

Лань уставилась на своего собеседника.

– Возможно, мы могли бы пойти куда-нибудь еще? Или лекарство для моей руки водится только... только там, на Центральных равнинах?

– Правильно. – Цзэнь поднял на нее взгляд, и Лань уловила отблеск веселья на его обычно серьезном лице. – Ты же не веришь деревенским сказкам?

– Не верила, – сказала Лань, – но ты же оказался настоящим, верно? – Практик бросил на нее равнодушный взгляд. – Я слышала о привидениях и темных делах, которые проворачиваются в деревнях Центральных равнин. Что-то из этого вполне может оказаться правдой.

Цзэнь рассматривал ее несколько секунд.

– Ты же хочешь узнать правду? Увидеть мир практиков, о котором слагают легенды?

Пока Лань смотрела на Цзэня, ее рука инстинктивно по-

тянулась к левому запястью. Ответ вертелся на кончике языка. Такой грандиозный, такой очевидный и такой определенный, что она боялась произнести его вслух. И все же эта возможность была дана ей давным-давно, дверь, оставленная приоткрытой с предсмертным вздохом ее матери.

Дверь к вопросам, которые оставила ей мама.

Что-то промелькнуло в глазах Цзэня.

– Если хочешь знать правду... Если ты встанешь на этот путь, ты должна понимать – обратного пути нет.

Обратного пути никогда и не было, с тех пор как двенадцать циклов назад у нее отобрали будущее и жизнь, которую она планировала. С тех пор Лань шла другим путем, обозначенным шрамом у нее на запястье.

Зимним магом с ледяными глазами.

Смертью и разрушением.

Она подумала об Ин. Ночь прошла, а кошмар остался, кровавое пятно, которое не могли смыть ни дневной свет, ни течение времени. Боль охватила ее так внезапно, что девушка затаила дыхание и, заведя руки за спину, впиалась пальцами в ладони.

– Какая польза от слез? – пробормотала ей однажды Ин, когда они только пересекли свой двенадцатый жизненный цикл, и раны от потерь все еще глубоко саднили каждую ночь. – Мертвые их не почувствуют и не вернутся. Горе остается живым. Вместо того чтобы прожить жизнь в боли, я предпочитаю прожить ее в смехе и любви. На полную.

Лань подняла голову. Цзэнь наблюдал за ней своим непроницаемым взглядом.

– Да, – сказала девушка. – Я хочу получить ответы. На все вопросы.

– Вот и прекрасно, – ответил практик, слегка наклонив голову. – В таком случае я отведу тебя в Школу Белых Сосен, последнюю из Ста Школ Практиков, чтобы ты разгадала печать, которую оставили на твоём запястье.

На несколько мгновений, пока первые лучи солнца пробивались над горизонтом, заливая землю ярким, огненно-красным светом, слова Цзэня повисли между ним и девушкой.

– Хорошенько обдумай мое предложение. – Цзэнь встал, протягивая ей руку. Лань не задумываясь приняла ее. Он уже натянул свои черные перчатки и, крепкой хваткой поддерживая Лань за локти, притянул девушку ближе. Глаза практика пронзили ее, как черная молния. – Но должен предупредить тебя сейчас – если откажешься, мне придется убить тебя.

Заявление прозвучало настолько драматично, что Лань рассмеялась.

Нахмурившись, практик сказал:

– Я не шучу.

– А я и не думала, что ты шутишь, – ответила Лань. Все следы веселья испарились, когда она встретила его пристальный взгляд. – Думаешь, я боюсь смерти? Я умирала сотни раз, когда элантыйцы забирали тех, кого я люблю, одного за другим, когда понимала, что не могу спасти кого-либо из

них.

Сколько времени она провела в чайном домике под каблуком Госпожи Мэн, вынужденная вертеться, улыбаться и петь красивые песенки? Сколько ночей лежала без сна рядом с Ин, сжимая ее мягкие пальцы и мечтая о том времени, когда их не будет одолевать голод, холод и страх? Как часто она стояла на краю Хаак Гуна, у разбивающихся волн, на стыке суши, моря и неба, и задавалась вопросом, какой могла бы быть ее жизнь?

Она не смогла защитить ни маму, ни старого Вэя, ни Ин, ни кого-либо еще в чайном домике. И если теперь судьба стучалась в дверь, предоставляя ей шанс, Лань была готова его принять.

Теперь она будет не цветком, а кинжалом.

Лань прижала свою ладонь к ладони практика.

– Я бы переплыла саму реку забвения, если бы это помогло их вернуть, – заявила девушка. – У меня есть только одна просьба. Научи меня искусству практик. Научи быть сильной, чтобы больше мне не пришлось наблюдать, как дорогой мне человек становится жертвой элантийского режима.

Она снова увидела его – проблеск тьмы в глазах Цзэня – стену из черного пламени. Кроваво-красный рассвет падал на лицо практика, разделяя его на острые углы и тени. На мгновение он сжал руку Лань сильнее, затем его хватка ослабла и сменилась легким прикосновением.

– Ешь, – сказал Цзэнь, – а после мы отправимся в путь.

Если собираешься стать частью Школы Белых Сосен, то придется начать твоё обучение сегодня.

– Почему мы идем пешком? Я думала, что практики умеют летать.

– Мы не умеем летать. Мы можем направить концентрированные всплески ци в пятки, благодаря чему мы прыгаем выше и дальше, чем обычно. Такой вид практики, называемый Искусством Света.

– Тогда почему ты не можешь просто перенести нас в Школу Белых Сосен так же, как перенес из Хаак Гуна в Нефритовый лес?

Они шли уже несколько часов, и Лань выбилась из сил. Её шелковые тапочки были созданы для полированных лакированных деревянных полов чайного домика, а не для зыбких дорожек, полных грязи. Она часто спотыкалась о слишком длинное платье, а плохо сидящий плащ практика постоянно соскальзывал с плеч.

– Это была печать Врат. Я нас не переносил, – ответил Цзэнь. Казалось, практик даже не запыхался и совсем не выглядел так, будто занимался физической активностью, если не считать раскрасневшихся щек, которые, как раздраженно отметила Лань, вытирая пот со лба, только добавляли ему привлекательности. – Эту печать чрезвычайно трудно выполнить, даже если речь идет о небольшом расстоянии. Практиков следует оценивать по тому, как они направляют ци. Злоупотребление печатями может привести к несчаст-

ным случаям.

Лань подумала о моменте, когда его глаза, как белки, так и зрачки, стали полностью черными и задалась вопросом, имеет ли это какое-либо отношение к сказанному. По какой-то причине этот момент показался ей слишком деликатным, так что девушка не стала спрашивать.

– Но разве ты не говорил, что некоторые практики талантливее других? Получается, более сильный практик справился бы? – поддразнивания над Цзэнем не давали ей упасть от усталости. Кроме того, было забавно наблюдать, как напрягается его лицо и сжимается челюсть.

Он косо посмотрел на нее, очевидно, решив проигнорировать выпад.

– Каждый рождается с ци внутри и вокруг себя. Она – основа этого мира. Ци есть в потоке воды, в порыве ветра, в реве огня и даже в твердости земли. Она день и ночь. Солнце и луна, жизнь и смерть. Некоторые люди обладают талантом направлять ци и вплетать ее нити в печати. С правильным обучением они могут развить свои способности и стать практиками. Думай об этом как о том, что большинство людей могут слышать музыку, но лишь немногие становятся талантливыми музыкантами.

– Так уж случилось, что музыкант из меня превосходный, – ухмыльнулась Лань. – Что ты там сказал? Что я вся свечусь от ци?

Цзэнь прикрыл глаза, будто молясь о терпении.

– Некоторые, – сказал он, – способны удерживать внутри себя больше ци, которой они могут управлять. Это делает их сильнее. Тем не менее эта способность, мы называем ее ядром практика, развивается со временем и путем усердных тренировок. Без совершенствования даже одаренный практик может выполнять не больше трюков, чем горная обезьяна. И чтобы не закончить подобным образом, вернись лучше к своей медитации.

Лань нахмурилась. Она ожидала, что Цзэнь покажет ей жесты, которые нужно выполнять для создания печатей. Или по крайней мере устроит тренировку по боевым искусствам, чтобы научить ее направлять ци, ведь именно о таком писали в сборниках рассказов.

Вместо этого практик велел ей закрыть глаза и дышать.

– Условия не идеальны, – заметил он. – Медитацией лучше всего заниматься сидя, избавляясь от осознания окружающего нас физического мира. Однако, похоже, какое-то время у нас не будет подобной роскоши.

Чрезвычайно трудно избавиться от осознания физического мира, спасаясь от преследования легиона солдат. Да и лесная подстилка представляла собой лабиринт корней и бугристой почвы, о которые она могла споткнуться. Сначала Лань пыталась, действительно пыталась, но по мере того как солнце поднималось все выше, а температура росла, пот начал неприятно покатываться по спине и стекать под одежду. Усталость и голод совсем не прибавляли ей сил. Последней кап-

лей стало падение лицом в кучу грязи.

– Я отказываюсь это делать, – заявила она, вытирая лицо грязным рукавом. – Какой криворукий наставник станет просить свою ученицу закрыть глаза *во время бега по лесу?*

– Криворукий наставник? – повторил этот самый наставник, приподняв брови.

Возмущенная, Лань топнула ногой.

– Что, никогда не слышал, как выражаются деревенские девушки?

Солнце начало клониться к закату. Не прошло и дня, а она уже устала от стараний сохранить перед этим парнем лицо. Он был утонченным там, где она была неотесанной; он был ученым, а она певичкой; он говорил загадками, от которых болел ее необразованный ум.

– Полагаю, ничего подобного я не слышал, – сказал Цзэнь так искренне, что Лань стало очень сложно на него злиться. – То, что ты постоянно спотыкаешься и падаешь, говорит о том, что ты не подключилась к потоку ци. Ты должна чувствовать бороздки земли, поднимающийся корень сосны, движение к луже воды.

– О, я их почувствовала, – проворчала Лань. – Я почувствовала все это на своем лице, когда упала.

Цзэнь проигнорировал ее.

– Будь внимательна. Не важно, насколько велик твой внутренний потенциал, без тренировок и дисциплины ты ничего не добьешься. Пока не научишься двигаться, ощущая ци во-

круг себя, не сможешь перейти к следующему этапу.

«А следующий этап – это печати», – подумала девушка, с жадностью скользя взглядом по его рукам в черных перчатках. В чайном домике она никогда не рвалась выполнять тяжелую работу или учиться, а в данный момент мысль о том, чтобы провести несколько дней, уткнувшись лицом в корни бамбука, была просто невыносима.

Так что Лань театрально вздохнула через нос и схватилась за живот.

– Я приложила максимум усилий, уважаемый практик.

Цзэнь вскинул брови:

– Так теперь я «уважаемый практик»?

– *Господин* уважаемый практик.

– Кажется, мы примерно одного возраста. Так что нечего называть меня «господином».

– Ну, ты определенно ведешь себя как один из них, – парировала она. В ответ на раздраженный взгляд, который Цзэнь бросил в ее сторону, Лань надулась. – Я плохо себя чувствую. У меня ежелунное кровотечение. Может, мы... может, мы поедим и найдем для меня местечко, где я помеди-тирую и выучу несколько печатей?

На щеках Цзэня появились два розовых пятна, которые стали расплзаться вниз по шее, пока все его лицо не приобрело оттенок унижения.

– Я... ты... ежелунное... – пролепетал он, делая шаг назад. – Да. Ты отдохни... здесь... а я пойду... еда...

Он развернулся и тут же скрылся за деревьями.

Фыркнув от смеха, Лань присела, опершись спиной на бамбуковый стебель. И это все? Следовало подумать об этом раньше. Девушка слышала истории о том, как набожные ученики, будь то воспитанники монастырей или практики, давали клятву вести целомудренный образ жизни, оставив позади все материальное и греховное.

«Какая досада, – подумала она, закрывая глаза и устраиваясь поудобнее, – с таким-то красивым лицом, как у него».

Когда Лань очнулась от дремоты, сгущались сумерки, влекущие за собой крошечную ночную темноту.

«И воздух тоже изменился», – подумала Лань, выпрямляясь и плотнее запахивая черный плащ практика. Дело было не в запахе и не в том, что теперь, когда наступил вечер, стало холоднее...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.